

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Нам нужны прорывы

Владимир Путин вступил в должность президента России

ЧИТАЙТЕ

5 Век Михаила Алексеева

Исполнилось 100 лет со дня рождения писателя-фронтовика, автора романа «Солдаты», «Наш лейтенант», «Хлеб – имя существительное» и других произведений

о войне М.Н. Алексеева, многолетнего автора «ЛГ».

6 • 7 Видеть своими глазами...

Владимир Бушин начал боевой путь с осени 1942-го. Сегодня он по-прежнему в строю – на страже ценностей Победы. Накануне 9 Мая писатель ответил на вопросы «ЛГ»

16 • 17 Не все самолёты возвращаются

Пилот подбитого штурмовика «Су-25» нажал кнопку катапульти. Видел, что внизу спасения не будет – там уже вскинули автоматы, – но непроизвольно хотел в последние секунды почувствовать землю. Как будто она была не сирийская, а родная, воронежская.

Путь вперёд не бывает простым, это всегда сложный поиск. Но история не прощает только одного: безразличия и непоследовательности, расслабленности и самоуспокоенности, особенно сегодня, в переломное время, в переломную эпоху, в эпоху бурных изменений во всём мире. Задачи, которые предстоят, назревшие решения, которые нам необходимо принять, без всякого преувеличения – исторические. Они

будут определять судьбу Отечества на десятилетия вперёд. Перед нами напряжённая работа, которая потребует участия всего российского общества, деятельного вклада каждого из нас, всех ответственных политических и гражданских сил, объединённых искренней заботой о России.

Нам нужны прорывы во всех сферах жизни. Глубоко убеждён, такой прорыв способен обеспечить только

свободное общество, которое воспринимает всё новое и всё передовое и отторгает несправедливость, косность, дремучее охранительство и бюрократическую мертвечину – всё то, что сковывает людей, мешает им в полной мере раскрыться, реализовать себя, свои таланты, а значит, и ограничивает устремлённость в будущее всей нашей страны.

Из речи В.В. Путина 7 мая 2018 г.

СТИХИ НА ПЕРВУЮ ПОЛОСУ

На войне я не был ветераном

Владимир Догадаев
Поэт-фронтовик. Автор 18 книг стихотворений.
В «ЛГ» печатается впервые.

***

На войне я не был ветераном,
Был я очень молод на войне.
Это слово
Поздно или рано,
Видимо, пристанет и ко мне.

И уже не будет удивленья
Ни у деда, ни у молодца...
Так и обобщают в поколениях
Чёрточки необщего лица.

Но пока владычествует
память,
Ощущенье младости живёт.
Это май живыми лепестками
Долг всему живому отдаёт.

Потому и сила, и надежда.
Зрелый возраст голову белит,
А оно – то чувство –
как и прежде
И стареть, и плакать не велит.

КНИГА НЕДЕЛИ

Валентин Ежов,
Григорий Чухрай.
Баллада о солдате.

Киноповести. – М.:
Вече, 2018. –

416 с. – 1200 экз.
(Русская проза).

«Нашему сверстнику, солдату, погибшему в боях за Родину, посвящается этот фильм». С этих слов начинается сценарий одного из самых пронзительных фильмов о Великой Отечественной, завоевавший более ста(!) зарубежных призов всех известных кинофестивалей и получивший высшую награду СССР – Ленинскую премию. «Баллада о солдате», снятая фронтовиком Григорием Чухраем по одноимённой повести другого фронтовика Валентина Ежова в далёком 1959 году, зрителями

любима и в победные майские дни непременно будет в очередной раз показана по телевидению. А ведь всего-то 77 страниц. Но зрители многих поколений помнят и любят Алёшу, того самого юного солдата, который совершил высшее, что может сделать человек, – отдать жизнь за свой народ, свою Родину.

Почти 60 лет назад началась звёздная карьера двух замечательных артистов, которых уже нет с нами, – Владимира Ивашова и Жанны Прохоренко, им удалось стать олицетворением поколения, на долю которого выпала война.

Боль за военное поколение нашла своё отражение и в других повестях Ежова, вошедших в сборник: «Крылья» (совместно с Н. Рязанцевой), «Сибиряда» (совместно с А. Михалковым-Кончаловским), «Генерал Василий, сын Иосифа» (совместно с Н. Готовцевой). Глубокое проникновение в характеры героев на фоне переломных исторических событий всегда вызывает не только зрительский, но и большой читательский интерес.

ОЧЕВИДЕЦ

Олег Немецкий, историк, публицист

День Победы, год обид

Великая Отечественная война стала событием, во многом формирующим наше общество. Она лежит в основе нашего самовосприятия, ценностных ориентиров, идентичности. Однако трудно не заметить, что ныне память о ней стала также причиной постоянных обид, уязвленного самосознания, чувства несправедливости. Особенно болезненно у нас воспринимается снос памятников советским воинам.

С этим надо что-то делать – очень неправильно, что наша Победа регулярно оборачивается нашими же разочарованиями. Мы ждём благодарности от других народов и постоянно оказываемся в позе обиженных. А эта поза не вяжется с ролью победителя.

При этом не замечаем, что подчас просто не считаемся с исторической памятью других. Многие из тех народов, которых наши отцы освободили от нацизма, считают себя победёнными и имеют для этого основания. И наша классовая логика (мол, народ не виноват) тут ни при чём – они всегда будут ностальгировать по своим межвоенным государственным и пытаться оправдать Третий рейх. И прибалты, и словаки, и венгры, и румыны... Наша победа – для них поражение. Это так даже для поляков, которые тогда потеряли свои «Кресы» – восточные земли их старой колонизации, о которых они никогда не перестают мечтать. А главное – мы решили их судьбу за них, вместо них, а это неприятный для осознания факт.

В Польше осталось несколько сотен памятников благодарности советским воинам, их систематично сносят. Нам больно, но дело в том, что сносят их именно ради того, чтобы нам было больно. У них получается, они своего добиваются. Уже того: эти памятники всё равно все сносятся, и мы этого не остановим.

Но давайте подумаем, а нужны ли нам монументы, если их не уважают живущие рядом люди? Они уже давно превратились в спецобъекты по вымещению злости на Россию, по оскорблению русских. Если ты поляк и тебя переполнили чувства ненависти к России, ты всегда знаешь: надо пойти и оторваться на памятник русским воинам. Памятники благодарности превратились в скульптуры русских для битья.

Спрашивается: нам это нужно? Это достойно памяти наших героев? А если нет, то зачем недоуем по поводу их сноса? На самом деле это в наших интересах, чтобы их убрали отсюда, вывели из враждебного окружения, перестали унижать наших героев.

Вместо того чтобы выражать возмущение и терять эту большую тему во всех СМИ, лучше было бы, наоборот, договориться с поляками и освободить от них наши памятники. Но так, чтобы это было сделано без оскорблений: не через публичные акции с тотальным разрушением, а тихо, бережно сохраняя формы, вывозить их в специально выделенный под это парк в России. На такое сотрудничество польские муниципальные власти могли бы пойти, им это выгодно.

Чтобы народы были нам благодарны, надо не памятники защищать, а влиять на общественное мнение: вести диалог и объяснять свою позицию и видение истории. Надо понять: монумент русским героям хорош только тогда, когда он выражает реальные чувства народа, когда люди сами хотят его сберечь и за ним ухаживать. А если они хотят прямо наоборот, то в памятниках и смысла нет.

Пора вернуться к пониманию: мы побеждали для себя, а не для других. Это на нас напали, это наш народ был у края пропастей. Мы спасли себя, и нам нужно было дойти до Берлина, а потом утвердить свою зону влияния, необходимую для нашей безопасности. Наши солдаты гибли в первую очередь за нас, за свой народ, за родных и близких, а не за другие народы. И нам не нужна ничья благодарность за это. Мы должны быть озабочены только своей собственной благодарностью нашим предкам.

Надо вернуть нашу Победу себе. Она для нас, не для других.

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

АКТУАЛЬНО

Нобелевский кризис

Премии по литературе в 2018-м не вручат

Репутация Нобелевской премии по литературе ставилась под сомнение неоднократно. А в последние годы вопросы к знаменитому институту поощрения литераторов возникло всё больше. Теперь новая напасть – сексуальный скандал в традиции современного Голливуда с причудливым сюжетом. Восемнадцать женщин обвинили в домогательствах некоего фотографа, который каким-то боком связан со Шведской академией. Именно случай «харассмента» называется причиной, по которой Нобелевская премия по литературе в 2018 году вручаться не будет, зато в 2019-м выдадут сразу две. «ЛГ» обратилась за комментарием к директору Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля Дмитрию Баку.

Приостановление Нобелевской премии в этом году – дело не новое, такое случалось в годы войны и других катаклизмов. Сейчас причины другие – глубокий внутренний кризис премии, не имеющий никакого отношения к пресловутому сексуальному скандалу. Почти наверняка в прежнем виде премии больше не будет, она обретёт новое дыхание, станет более прозрачной. Концепция всемирной литературной премии с самого начала была двойственной. Даже самые крупные литпризы (Гонкуровская, Букеровская) присуждаются писателям, которые рабо-

туют в рамках какого-то одного языка – в нашем случае – французского либо английского.

Что же до литературного Нобеля – в большинстве случаев решения принимались людьми, которые не могли прочесть текст будущего лауреата в оригинале. Но это же парадокс! Нельзя давать, например, премию за достижения в балете на основании мнения незрячих людей. Они слышат музыку, но не видят, как танцуют. По переводу нельзя судить о произведении, кажется, этого не будет отрицать никто.

Нобелевская премия на протяжении всей своей истории имела в первую очередь репутационный, т.е. не собственно художественный характер, решения принимались по привходящим соображениям, очень часто – по политическим. Неслучайно, что именно Нобелевская премия по литературе захромала. Есть национальные литературы, но нет местных модификаций физики или химии.

Скорее всего, изменится сам принцип присуждения, и процедура тоже. Нельзя сравнивать чай, сахар, ложку и чашку. Можно заметить отход от биографий великой – совсем недавно этот жанр был точкой консенсуса и прошлого, и современности, почитателей и фиска, и нон-фикшна. Экспертам «Большой книги» предстоит труднейший выбор: в списке финалистов окажется не более пятнадцати произведений. Результат этой титанической работы узнаем 29 мая.

Длинный список «Большой книги»-2018 – на сайте «ЛГ».

Альфред Нобель

КЛАСС ПРЕМИУМ

Большой полуфинал

В конце апреля стал известен «длинный список» 13-го сезона Национальной литературной премии «Большая книга».

В этом году в него вошло 41 произведение, в том числе книги Павла Басинского, Дмитрия Быкова, Сергея Шаргунова, Людмилы Петрушевской, Алексея Варламова, Ольги Славниковой... Имена финалистов назовут на «Литературном обеде» в конце мая.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Георгий Урушадзе, генеральный директор Национальной литературной премии «Большая книга»:

– Длинный список очень интересный – впрочем, как всегда. Отличием этого сезона стало необычайно большое число новых талантливых имён. Также можно заметить отход от биографий великой – совсем недавно этот жанр был точкой консенсуса и прошлого, и современности, почитателей и фиска, и нон-фикшна. Экспертам «Большой книги» предстоит труднейший выбор: в списке финалистов окажется не более пятнадцати произведений. Результат этой титанической работы узнаем 29 мая.

Длинный список «Большой книги»-2018 – на сайте «ЛГ».

ФОТОГЛАС

На фото в первом ряду: Марина Лошак, Джахан Поллыева, исполнительный директор Российского исторического общества Константин Моголиевский, директор Департамента судостроительной промышленности и морской техники Минпромторга РФ Борис Кабаков

Впервые Объединённая судостроительная корпорация (ОСК) вместе с Государственным музеем изобразительных искусств имени Пушкина провели в Итальянском дворике музея мероприятие в честь открытия навигации 2018 г. Гостей приветствовала директор музея Марина Лошак, которая вместе с вице-президентом ОСК и поэтессой Джахан Поллыевой много сделала, чтобы состоялся яркий праздник. Президент ОСК Алексей Рахманов подчеркнул: «Начало навигации – новый год для всех, кто связан с рекой. Здесь смыкаются интересы кораблей, судовладельцев и тех, кто фрахтует суда, – чтобы тысячи людей открыли для себя новые морские и речные маршруты».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 1971 1979
Председатель редакционного совета **ЮРИЙ ПОЛКОКОВ**
Главный редактор **Максим Замшев**
Заместители главного редактора: **Леонид Колпаков**, **Анастасия Ермакова**
Олветственный секретарь **Сергей Колпаков**
Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, д. 50а/5, стр. 1 • Ф 0477-70388 от 13.06.2017 г.

Отдел: **Политика и экономика** polites@lgz.ru
Общество т. 8-499-788-02-05, mazurova@lgz.ru
Искусство kv2004@bk.ru **Литература и библиография** т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru
Клуб 12 стульев satira@lgz.ru **ТелеЕденье** telev@edmail.ru **Литературная ярмарка** т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru **Эл. почта** litgazeta@lgz.ru
Перепечатка и цитирование только с разрешения редакции.
Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ

Председатель совета АНО **Андрей Тимохин**
Генеральный директор **Алексей Шалов**
Тираж **113 800 экз.** Отпечатано в типографии ООО «ВМГ-Принт», 127247, Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.
Номер подписан к печати 7 мая 2018 г. Зак. № 1022
Подписные индексы: 50067, 34189, 99703, 99168 (для физических лиц); 99468 (для предприятий и организаций)
Подписка и распространение т. 8-499-788-01-12

ИСТФАКТ

Фальшь-сенсация

Ещё один фейк о людских потерях СССР на войне

В своё время на парламентских слушаниях «Патриотическое воспитание граждан России: «Бес- смертный полк» депутат Госдумы Николай Земцов (фракция «Единая Россия») в докладе-презентации представил сенсационные цифры потерь СССР в Великой Отечественной войне. Оказывается, погибло не 27 млн. советских граждан, а почти 42 млн. человек: более 19 млн. военнослужащих и около 23 млн. гражданского населения.

Впрочем, новизна эта относительно. Однако «открытие» стали использовать для дискредитации Красной Армии и её командования сторонники тезиса о «чрезмерной цене Победы». Как ни странно, публичных опровержений нет ни от Росстата, ни от Минобороны РФ, ни от профессиональных историков.

Как выяснилось, подлинный автор «сенсации» – И.И. Ивлев, который занимался поисковой работой в Архангельской области. Давайте не будем с ходу отмахиваться или упрекать, а внимательно посчитаем.

«Два пишем три в уме»

В демографии людские потери (П) всего населения СССР в войне определяются алгебраической суммой четырёх слагаемых: убыли населения страны (разность численностей населения на начало и конец войны), числа родившихся в годы войны, числа умерших при «нормальном» уровне смертности и изменения численности населения из-за миграции и территориальных изменений.

В расчётах И. Ивлева последний фактор вообще не учитывается, а остальные слагаемые определены с грубыми ошибками.

Численность населения СССР на начало войны (205 млн. чел.) Ивлев определил, суммировав цифру Центрального управления народно-хозяйственного учёта (ЦУНХУ) Госплана СССР о численности населения страны (199,9 млн. чел.) и данные Маршала Советского Союза М. Захарова о числе военнослужащих (5,1 млн. чел.).

Цифру ЦУНХУ поисковик представляет как численность только гражданского населения СССР. Но это не так: в 1940 и 1941 годах текущий учёт населения вёлся прибавлением к итогам переписи населения 1939 года цифры прироста населения за период после переписи. В переписи же 1939 года численность военнослужащих учтена. Это указано в справке начальница ЦУНХУ И. Саутиной от 10 февраля 1939 года.

Таким образом, подсчитанная Ивлевым цифра (205 млн. чел.) на начало войны ошибочна: завышена не менее чем на 5 млн. чел., поскольку содержит двойной учёт численности армии. Соответственно, на эту цифру завышена и итоге и убыль населения страны.

Людей, родившихся в годы войны (17,6 млн. чел.), Ивлев подсчитал следующим образом. По архивному документу ЦСУ он определил, что в 1941 году в РСФСР, кавказских и среднеазиатских республиках родилось 2,9 млн. чел. Затем он экстраполировал эти данные (пропорционально численности населения) на всю территорию СССР и получил 4,4 миллиона родившихся в 1941 году. И простым умножением на четыре установил общее число родившихся в СССР в годы войны (с 1 июля 1941-го по 1 июля 1945-го).

Тут три грубых допущения. Во-первых, с августа 1941 года ряд областей РСФСР был частично или полностью оккупирован немцами, и никакой информации о рождаемости в ЦСУ не поступало. Поэтому сведения архивного документа ЦСУ нельзя считать достоверными. Во-вторых, распространять данные об уровне рождаемости на территории, указанных в документе, на всю территорию СССР некорректно – Прибалтика, например, отставала по этому показателю от РСФСР, кавказских и среднеазиатских республик. В-третьих, нельзя экстраполировать рождаемость в 1941 году на последующие годы войны. В 1941-м она незначительно отличалась от рождаемости предвоенного 1940 года, но в 1943-м была вдвое ниже, и начала медленно расти в 1944 году. По подсчётам демографов, число родившихся в период войны составило примерно 15 млн. чел. Иными словами, число родившихся тогда Ивлев опять завысил более чем на 2 млн. чел.

Численность умерших в годы войны (10,8 млн. чел.) Ивлев подсчитал, используя те же допущения, что и при подсчёте числа родившихся. Но главная ошибка в том, что Ивлев подсчитывал число «естественно» умерших, а нужно было считать число умерших при «нормальном» уровне смертности. Последнее понятие шире, чем «естественная смертность». В нашей демографии для Великой Отечественной войны в качестве «нормального» уровня принят мирный 1940 год, когда умерло 4,2 млн. чел. Следовательно, за четыре года «нормальная» смертность населения СССР составила бы примерно 16,8 млн. чел. на шесть миллионов человек больше подсчитанной Ивлевым «естественной» убыли.

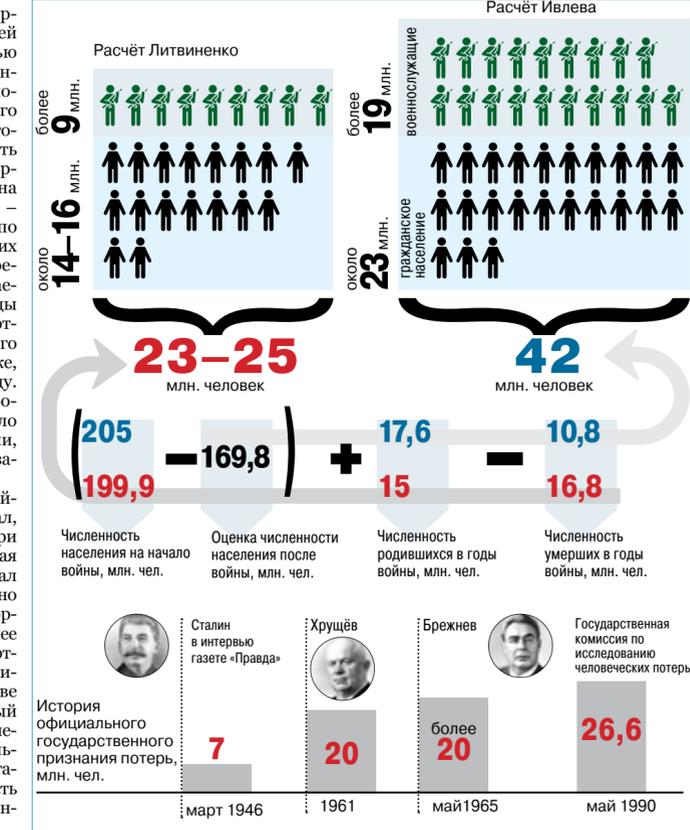
Эти ошибки расчётов показывают, что суммарное завышение Ивлевым общих потерь населения – не менее 13 млн. чел. Если все ошибки исправить, то общие потери (П) населения СССР будут равны:

$$П = (199,9 \text{ млн.} - 169,8 \text{ млн.}) + 15 \text{ млн.} - 16,8 \text{ млн.} = 28,3 \text{ млн. чел.}$$

Это на 1,7 млн. чел. больше цифр, обнародованной в 1990 году сотрудниками НИИ Госкомстата СССР Е. Андреевым, Л. Дарским и Т. Харьковской (26,6 млн. чел.). Разница значений объясняется тем, что по выверенным современным оценкам демографов численность населения СССР по переписи 1939 года была почти на 2 млн. меньше, чем официальная цифра в 170,6 млн. чел. Впрочем, цифра потерь в 26,6 млн. чел. тоже несколько завышена. Сотрудники Госкомстата при подсчёте потерь оценили внешнюю миграцию в годы войны и после неё в 0,622 млн. чел., но в действительности из-за эмиграции и послевоенных обменов населения в ходе территориальных изменений СССР покинуло значительно больше число граждан. Следовательно, общие людские потери страны (и военнослужащих, и гражданских) были меньше – ориентировочно в диапазоне 23–25 млн. человек.

Ущербный баланс

Потери Красной Армии Ивлев определил составлением баланса вооружённых сил за 1941–1945 годы. Подсчитал, что было призвано 37,661 млн. чел., из которых в строю на 1 июля 1945 года осталось 12,839 млн. чел. После вычитания из общей убыли (24,821 млн. чел.) уволенных по ранению и болезни, вернувшихся после войны из плена, переданных в дру-

гие ведомства, осуждённых, дезертиров и эмигрантов (всего 5,407 млн. чел.) Ивлев получил цифру безвозвратных потерь Красной Армии – 19,413. Однако баланс имеет крупные изъяны.

Во-первых, в число привлечённых в армию и на флот Ивлев включил 2,237 млн. чел. вторично призванных. Это – двойной счёт. Кроме того, он считает мобилизованными с 22 июня по 31 декабря 1941 года 14 млн. чел., но по справке Оперативного управления Генштаба от 1 мая 1942 года, с начала войны и до 1 января 1942 года мобилизовали на 2,210 млн. чел. меньше, 11,790 млн. чел.

Во-вторых, Ивлев ошибочно исключил из убыли, не относящейся к безвозвратным потерям, большую часть военнослужащих, переданных для работы в промышленности, местной противовоздушной обороне и в подразделении воинзированной охраны (3,614 – 0,094=3,520 млн. чел.). Как и переданных в соединения и части Войска Польского, чехословацкой и румынской армий (0,250 млн. чел.). Исключение их из убыли, не относящейся к безвозвратным потерям, Ивлев мотивирует просто: они-де оставались в рядах вооружённых сил. Но в реальности перечисленные категории призванных исключались из списочного состава Красной Армии. Например, призванные в вооружённые силы, но переданные в промышленность в составе рабочих служб, исключались из числа военнообязанных и становились военнообязанными (годными к службе, но в запасе).

Подтверждение – в Постановлении Государственного Комитета Обороны от 26 июля 1942 года (№ 2100сс).

Кроме того, Ивлев занижил число военнослужащих, вернувшихся из плена (0,9493 млн. чел. вместо 1,550 млн. чел., по данным В. Земскова).

При устранении всех этих ошибок людские потери Красной Армии в балансе Ивлева сократятся до 9,428 млн. чел., что сопоставимо с опубликованными ещё в 1993 году данными коллектива военных историков – 9,168 млн. чел. (с учётом 0,5 миллиона призванных, но захваченных немцами ещё до прибытия их в наши воинские части). Здесь нужно иметь в виду, что в расчётах военных историков не учтена «нормальная» смертность военнослужащих в годы войны, а также не полностью исключён двойной счёт. Поэтому реальные потери Красной Армии не превышали 9 млн. чел., а потери гражданского населения СССР в войне составили 14–16 млн. человек.

Беспризорная тема?

Тема людских потерь – одна из центральных в западном проекте по принижению роли СССР в разгроме фашизма. Но, судя по отсутствию реакции на такие подсчёты, необходимые исследования по этой теме в современной российской исторической науке не ведутся. Вот и гуляют по интернету дилетантски подсчитанные цифры. Своей лживостью они порочат боевое мастерство наших воинов и оперативное искусство полководцев.

Владимир Литвиненко, доктор технических наук, профессор

Желание быть русским

Юрий Поляков, писатель

почему между XVIII и XIX съездами прошло 14 лет? Средства сэкономили? На фарсах у нас и сейчас не экономят.

Потом была страшная война, тяжкое восстановление, проблемы с новыми территориями. Кстати, тут удачно воспользовались возможностями Союза как открытой системы: в него вошли, а точнее вернулись, прибалтийские лимитрофы. Маленькие, но гордые, они стали аж союзными республиками с букетом прав вплоть до отделения. Окупация? Это вы автономным татарам, калмыкам или якутам расскажите! Есть сведения, что Сталин хотел в начале пятидесятых вернуться к модели унитарного государства с широкой национально-культурной автономией, но не успел, а может, не отважился.

III. Узники матрёшки

Когда я, молодой поэт, в 1980 году вступал в КПСС, опаснее ярлыка, чем «националист», не было в природе. Второе место занимал «антисемитизм», третье прочно удерживал «сионизм». Дружбой народов и интернационализмом клялись, как мамой и папой. СССР казался твердой и оставался твердой до тех пор, пока союзное государство стягивалось обручами партийной иерархии, а в информационном пространстве царил моноидеологией. Кроме того, историческую общность «советский народ» неусыпно охраняли от сепаратизма органы, а страну прошивали суровой нитью экономические связи отраслей и предприятий-смежников.

Но едва КПСС во главе с Горбачёвым отказалась от руководящей и направляющей роли, тогда и началось. Светофор решил стать скворечником. Дело хорошее, но ставили то его, чтобы движение регулировать, а не пернатых плодить. Затем республику и регионы, в основном национальные, как самые требовательные и капризные, получили экономическую самостоятельность, сохранив дотации центра. А когда в довершение всего КГБ из цепного пса целостности превратился в клуб улыбочивых вуайеристов, страна затрещала по швам союзных границ. И нерушимый СССР распался.

Кстати, за историю Советского Союза власти придерживались несколько раз хотели изменить территориальное устройство государства, понимая, какая мина заложена под страну. Но сначала козырную карту самоопределения почти пятнадцать лет разыгрывали в борьбе за власть. Однако даже Сталин, принципиальный сторонник культурной автономии, утвердившись в Кремле, не решился похерить проект союзного государства: тяжким грузом давили «ленинские заветы». Простить ревизионистом было небезопасно, да ещё на фоне сначала сбоев в индустриализации, а потом и «перегибов» в коллективизации, приведших к голоду во многих регионах.

Мы сегодня вообще преувеличиваем неколлективистский сталинский авторитет, часто вешившей на волюе. Нравится это кому-то или нет, но партийная демократия в ВКП(б) существовала-таки, из президиума съезда вождем мог отпариваться не только в Кремль, но и на Лубянку. Если партийные форумы, как порой утверждают, это запрограммированные фарсы,

Решительных действий, казалось, можно было ждать от волонтериста Хрущёва, отпавшего Крым Украине и бывшего башмаком по трибуне ООН. Впрочем, сегодня вприору стучать по той же трибуне головой полномочного представителя США. Жаль, как пел Высоцкий, «настоящих буйных мало». Но как раз троцкистский пестун Никита Сергеевич, жёстко наехавший на церковь и крестьянские подсобные хозяйства, вернувший в политический лексикон «мировую революцию», считал: открытый всем желающим Советский Союз – это именно то, что нужно коммунистическому и рабочему движению. Странно, что Куба не стала шестнадцатой республикой СССР, видимо, братья Кастро не пожелали переходить с гаванских сигар на «Беломор».

Осторожный Брежнев лодку не раскачивал и не вынул мольбам Болгарии, упорно прошив-

”
За историю Советского Союза власти придерживались несколько раз хотели изменить территориальное устройство государства, понимая, какая мина заложена под страну. Но сначала козырную карту самоопределения почти пятнадцать лет разыгрывали в борьбе за власть.

”
 шейся к нам в Союз. Я ещё помню обиду знакомых болгарских поэтов, задетых этим отказом. А вот Евросоюз их тепло принял в свои регламентированные объёмы. Новая, брежневская Конституция 1977 года национально-территориальное устройство страны оставила без изменений, сохранив все накопившиеся противоречия, как в формалине. В 70-й статье с удивлением читаем: «СССР – единое союзное многонациональное государство, образованное на осно-

ве принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик». Если вдуматься, это то же самое, как если б объявить, что семья создается на основе любви, верности, общих детей и совместного ведения хозяйства. Кто ж спорит? А если любовь кончилась, если «Земфира охладела»? Тогда – что? Развод – ведь тоже «результат свободного самоопределения».

В 1977 году я как раз служил в Группе советских войск в Германии, и в многоплеменном коллективе нашей батареи признаки надвигающегося межнационального неблагополучия ощущались довольно остро. Ес-

”
 “

ли кто и воспринимал себя частью «новой исторической общности», так это русские парни из промышленных центров, больших городов, включая столицы союзных республик и автономий. Про этих моих однопольчан можно было смело сказать: советские люди. А вот деревенские ребята с Вологодчины или Рязанщины к многонациональной державе относились с улыбочивым недоверием. Что вы хотите, если их родные земли именовались официально не

Россией, а «Нечерноземьем»? Русский рижанин и латыш выглядели как обитатели разных стран. Армяне и азербайджанцы в шеренге старались рядом не вставать. Призывникам из Средней Азии Москва казалась чем-то вроде Марса, дехкане-призывники по-русски почти не понимали. А мрачно непокорные чеченцы и ингуши уже тогда были главной головной болью отцов-командиров. Впрочем, что теперь об этом врать с нерусскими сослуживцами, даже с украинцами и белорусами, я улавливал странное отношение к СССР, как к солдатской шинели, мол, сейчас от неё никуда не денешься, но придёт «дембель», тогда и переоденем. Мне, столичному интернационалисту, это было в диковинку. Задевало меня мнение, что Москва за счёт национальных окраин жиреет и опухает. Особенно комично это звучало из уст грузинских уст.

Андропов почти решил на реформу государственного устройства страны. Генсек всех призывал понять, в какой стране мы живём, и, видимо, предчувствовал, что при ослаблении гаек «узники» большой союзной матрёшки могут разбежаться. О сепаратизме он знал не понаслышке, работая на северо-западной окраине СССР, а в том, как хрупка политическая стабильность, убедился, будучи послом в Венгрии в 1956 году. Если верить мемуарам его помощника Аркадия Вольского, предполагалось упразднить союзных и автономные республики, а страну разбить на три доминирующих производственно-экономических наднациональных округов. Кстати, такая идея рассматривалась в Политбюро ещё в середине 1920-х, но не прошла. И вот опять тот же проект: свой язык, традиции, культура – пожалуйте ста, а в самоопределение – поилитрали и хватит!

”
 Помню, от имени комсомола мы приветствовали XXVI съезд партии, и молодая надежда белорусской поэзии лауреат премии Ленинского комсомола Владимир Некляев зывал с трибуны Кремлёвского дворца: «Пльыви, страна, эпохи ледокол!»

Однако Вольский отмечал нерешительность обычно жёсткого генсека при рассмотрении вариантов территориальной реформы. Думаю, колебания были связаны прежде всего с русским вопросом, ведь при этих переменах снова возрастала роль «имперской нации». А «русистов» (так Андропов называл коренную интеллигенцию, озабоченную судьбой самого большого народа страны) он недолюбливал и сажал их, будучи главой КГБ, охотнее, чем диссидентов-западников. Сопrotивление нацдаров в республиках тоже не исключалось. Когда вместо Кунаева в 1986 году Казахстан по решению Москвы возглавил русский руководитель Колбин, в Алма-Ате начались волнения. Впрочем, что теперь об этом вспоминать: Андропов умер, почти ничего не успев. Ах, если бы он ещё не успел выдвинуть Горбачёва!

”
 Именно по национально-территориальным швам, сиречь по «союзным» границам, часто ула реформы государственным устройством политическим моментом, и лопнул СССР. Оказалось, запретную игру «в самоопределение вплоть до отделения» никто и не думал забывать, включая руководителей равноправных республик. Под клятвы, лозунги и песни о вечной дружбе выросли национальная интеллигенция и номенклатура, ждущая и жаждущая самостоятельности. Совсем неслучайно «самостийников» на Украине возглавил секретарь по идеологии ЦК КП УССР Леонид Кравчук. В других республиках наблюдалась похожая картина.

”
 Продолжение следует

«Сердце солдатское – вот моя верховная ставка»

Так считал писатель-фронтовик Михаил Алексеев

Известный советский писатель, Герой Социалистического Труда и лауреат Государственных премий М.Н. Алексеев родился сто лет назад – 6 мая 1918 года в селе Монастырское Саратовской области, любовь к которой пронёсёт через всю жизнь. Почти 20 лет – с 1938 по 1955 г. – отдал службе в Красной армии. Был солдатом, офицером, военным корреспондентом, редактором военного издательства. Войне и посвящены его книги – роман «Солдаты», «Наш лейтенант», «Внимание, мины!» и другие. Широко известными стали его роман «Ивушка неплакучая», повесть «Хлеб – имя существительное», по которому снят замечательный фильм «Журавушка». Долгие годы Михаил Николаевич редактировал журнал «Москва». Умер М.Н. Алексеев тоже в мае, в 2007 году. На протяжении многих лет был активным автором «ЛГ», выступал на наших страницах с материалами на разные темы. Фрагмент одного из таких выступлений публикуется ниже.

Воевал я под Сталинградом с первого до последнего дня, всё видел сам, к тому же изучил мемуары Чуйкова и Василевского, и Батова и, естественно, Жукова; перечёл всё написанное по горячим следам – и документальное, и художественное, – такие книги, как сибиновские «Дни и ночи», и позднейшие его романы, и знаменитые очерки Василия Гроссмана (кстати, по его и Марка Колосова рекомендации меня принимали в Союз писателей после Второго всеоюзного совещания молодых). Прочитал всё, что мог добыть, и немецких авторов: многие были участниками этого величайшего сражения, попали в плен, сохранили себе жизнь и теперь вспоминают (о Сталинградской битве больше враги наши написали гораздо больше, чем советские люди, – может быть, поражение настоячивее, чем победа, заставляет осмысливать и извлекать уроки из прошлого?).

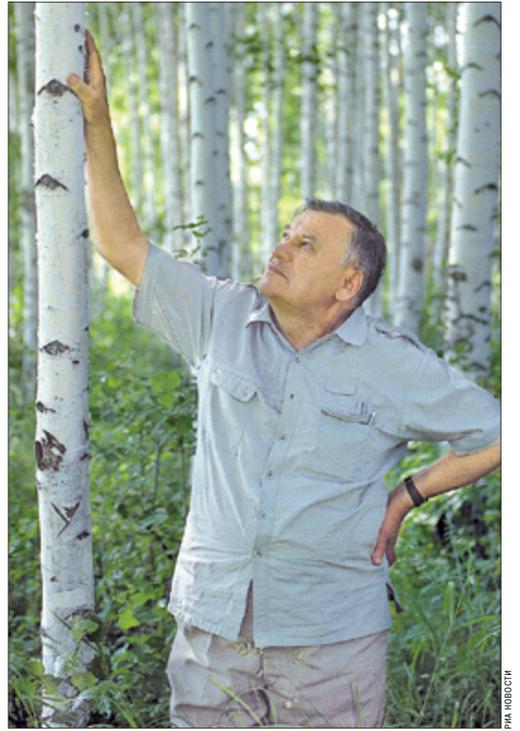
Подготовительная работа и проведена немалая и своё пережитое не изгладилось в сердце, а дело застопорилось. И тогда понял: мне не хватало биографии моих героев, их довоенной жизни. Ведь кто-то же живой из плоти, крови и нервов готовил их к этому испытанию духа, к этому рубежу, может быть, и не представляя себе, насколько он будет крут и страшен! Так появилась книга «Драчуны», которую я могу теперь назвать прологом к большому роману о Сталинграде.

”
 Людей моего поколения, чуть помоложе или постарше, жизнь не особенно баловала, в те трудные годы – конец 20-х, начало, середина и конец 30-х, до самой войны. Одевались мы не шибко нарядно, да и не всегда были сыты. Другое дело, что мы были счаст-

ливы, а счастлив человек, когда он во что-то очень сильно и непоколебимо верит. Мы верили в святость наших дел, и это держало нас в доверенную трудную пору и ещё больше – под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге, на Днепре и на Одере... Однажды Леонид Максимович Леонов мне сказал (помнится говорил о его «Нашествии»): «Меня всегда интересовали те люди, которым советская власть принесла даже некие неприятности, но которые в годину испытаний забыли обо всём и делались настоящими её защитниками». Я мог бы повторить то же применительно к героям моего романа, а большинство их я привёл из детства к самому порогу войны. Но чтобы не почувдилось кому-то недосказанности, снабдил роман эпилогом.

”
 Значит – пролог с эпилогом, а между ними по времени как раз и должна уместиться книга о Сталинграде. Биографии героев ясны, и характеры уже сложены, и мотивы поступков определены, и впереди – главный рубеж. Эпилог датирован 1980 годом.

”
 Один из участников Сталинградской битвы, рассказчик, спустя много лет возвращается в родное село. Его не узнать: соломенные крыши исчезли – шифер, железо, новый клуб. Школа, где прошло детство, перестроена, и перед ней стрелю в небо – обелиск, двумя столбами – имена павших, и среди них то одно, то другое уже знакомое читателю. Не вернулся ребята с войны... И вот так постояв, постарше, жизнь не особенно баловала, в те трудные годы – конец 20-х, начало, середина и конец 30-х, до самой войны. Одевались мы не шибко нарядно, да и не всегда были сыты. Другое дело, что мы были счаст-

Любовь к Саратовской земле Михаил Алексеев пронёс через всю жизнь

”
 рока тут... А на той стороне речки какой-то парень, ничего кругом не замечая, приплясывает, вытанцовывает в обтянутых своих джинсах с транзистором на голом пузе. «Маяк» начинает передавать последние известия: империалисты снова против разоружения; очередная неудача учёных, зондирующих радиосигналами Вселенную в поисках внеземных цивилизаций. Молчит Вселенная. А может, их вовсе нет, иных миров? Может, лучше беречь свой, единственный? Парень на минуту задумывается, а потом, повертев ручкой транзистора и найдя соответствующий ритм, снова идёт отплясывать по-современному.

”
 А рядом мирно пасётся стадо пёстрых телят, уже пришедшее к «стилю работы» своего пастуха...

”
 Над романом о Сталинграде ещё много придётся работать. Как шли в атаку, как лилась кровь, как снег был горячим – этого теперь, думаю, мало. Ещё что-то надо. Это не значит, что я обязательно пойду в Ставку Верховного Главнокомандования – таких намерений нет. Хочется

”
 подчеркнуть народный характер этой битвы. Сердце солдатское – вот где моя верховная ставка.

”
 Благодарен судьбе, что не избрала для меня лёгких путей-дорог, рано приобщила к труду. Сколько помню себя, слышал от матери: «Под лежащий камень вода не течёт». «Глаза страшатся, а руки делают».

”
 Нам бы, литераторам, и самим порассуждать, и людям помочь поразмыслить вокруг этого святого и великого слова «труд» вот в каком его аспекте: без труда не овладеть знаниями, не овладеть словом. А из слов создаются памятники величайшей красоты и долговечности – книги. С помощью слова ты можешь жить жизнью, какую вели люди века назад, и ты можешь заглянуть на много лет в будущее. До обидного короткая твоя жизнь с помощью слова может быть до бесконечности продлена во времени и пространстве.

”
 Не худо бы нам почаще вспоминать, что мы и в оружие себе выбрали слово.

”
 Михаил Алексеев «ЛГ» № 17 от 22 апреля 1981 года

Видеть своими глазами...

Владимир Бушин о писателях-фронтовиках, отношении к Бунину, задрапированном Мавзолее и многом другом

Владимиру Сергеевичу – 94, он по-прежнему публикует статьи, издаёт книги. Тексты набирает на компьютере, активно пользуется интернетом. У него прекрасная память, можно сказать, феноменальная, большинство цитат – из головы, на крайний случай есть обширная библиотека. Накануне Дня Победы писатель ответил на вопросы «ЛГ».

– Можете назвать лучшие, по-вашему, вещи о Великой Отечественной – в прозе и поэзии, и почему именно эти?

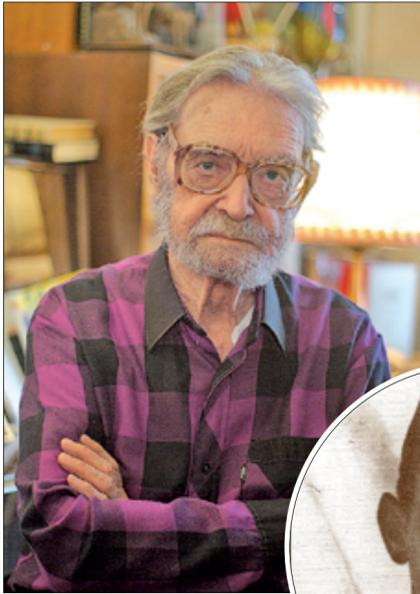
– Это, знаете, вопрос на обширную статью в трёх номерах «Литгазеты». Сергей Наровчатов в своё время сказал: война не породила гениального поэта, но породила гениальную поэзию о ней. По-моему, это можно сказать не только о поэзии.

– У нас традиционно считается, что писатель-фронтовик, режиссёр-фронтовик точно знает правду. Вы согласны?

– Ну, во-первых, всегда были и есть люди, о которых сказано: смотрит в книгу, а видит фигу. Во-вторых, были и писатели, и режиссёры, о которых справедливо сказать: на фронте был, да всё позабыл. Но Пушкин не мог быть в средневековой Европе, он вообще за пределами России ни где не был, но вот его «Маленькие трагедии» – где там хоть одна клоповка? А вообще-то, конечно, хорошо видеть своими глазами или быть участником того, о чём взялся поведать миру. Надо думать, Толстому при работе над «Войной и миром» очень пригодился его севастопольский опыт Четвёртого бастиона.

– Как не верить художнику, который собственными глазами видел войну... Трудно было не поверить и Виктору Астафьеву... Во многом именно его высказывания о войне легли в основу пропагандистской формулы «завалили трупами»... Как вы вообще объясняете подобного рода причуды памяти, когда в конце 80-х, в 90-е многие участники войны стали своими воспоминаниями создавать новый образ Великой Отечественной и советский солдат предстал едва ли не оккупантом, а советская власть воплощением зла?

– Во-первых, вовсе не многие оказались оборотнями. А у оборотней это никакие не «причуды памяти», а заурядное шкурничество. Они и в советское время катались как сыр в масле, но произошла антисоветская контрреволюция, новым властителям надо в благоприятном свете представить своё предательство, для этого требуется в компарном виде изобразить прошлое, которое, дескать, честный человек обязан был отринуть и проклясть. Для выполнения сей задачи выступили писатели, режиссёры, артисты. И они тотчас явились, ибо как любили, так и любят безо всяких причуд вкусно есть и сладко пить. Одним из первых и прибежал с катушкой ротный телефонист Астафьев. Он в советское время, например, на страницах «Правды» уж такие возвышенные слова плёл, такие раулады зачитывал о Красной армии и о нашей победе, что и тогда тошно было, а уж при либералах стали изображать армию дикой ордой,

ВЛАДИМИР БУШИН

а победу – подарком сатаны. Но ведь он был в военном отношении человеком удивительно, даже загадочно невежественным. Из одного его выступления 1989 года было видно, что он даже военную карту не умел читать, что по силам любому телефонисту.

Или Борис Васильев. Одно дело «А зори здесь тихие» в советское время и совсем другое – как он поносил наше командование в беседе по случаю своего 80-летия, да ещё с американским журналистом. Тот, поди, слушал и не мог не слушаться...

Или Даниил Гранин, который в советское время вместе с А. Адамовичем написал правдивую книгу о блокаде Ленинграда, а уж потом – хоть святых выноси. Всё, дескать, было так мерзко, что мы непременно должны были потерпеть поражение, но неизвестно как победили. Уверял, что даже медаль «За победу над Германией» мы получили в 1965 году. Через двадцать лет после войны, когда многие её участники уже умерли! Какое, мол, бесстыдство советской власти! Да я, как и миллионы других фронтовиков, с этой медалью уже в 45-м году с войны вернулся...

А вообще чаще всего и особенно старательно врут о войне те, кто в большинстве своём не только на войне не был, но и в армии не служил: Радзинский, Жуховицкий, Радзиховский, Резун, А. Пивоваров, Правдюк, Познер, Млечин и... Хакамада.

Однажды Гранин заявил: «История войны бесстыдно обросла враньём». Появилась, мол, «сочинённая война». Верно. И тут больше всех поработали названные выше старатели. Но писатель по своей природной уклончивости не назвал ни имён лжецов, ни книг с этой «сочинённой войной». И приходится вносить ясность.

Кто же именно «сочинил» ту фальшивую картину войны, где плещется «разливанное море барабанной трескуней лжи о войне», как писал критик Андрей Турков. Шолохов – в романе «Они сражались за Родину»? Алексей Толстой – в «Рассказах Ивана Сударева» и в

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Владимир Бушин

Родился 24 января 1924 года. Школу окончил в Москве в 1941-м. На фронте – с осени 1942-го. В 1951-м окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Молодая гвардия», «Дружба народов». Писатель, публицист, фельетонист, журналист. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

Настоящий солдат и сегодня, и во время Великой Отечественной

рени «Смерть сапёра», как и в других стихах о войне, например в стихах о Ленинграде?

Как он велик!

Какой бессмертный жребий!

Как входит в цепь легенд его зveno!

Всё, что возможно на земле и в небе

Им вынесено и совершено.

А Василий Гроссман в романе «Народ бессмертен»? Или притворялась Ольга Берггольц в стихах, написанных в блокадном Ленинграде:

Мы предсказывали польсканье

Этого трагического дня.

Он пришёл. Вот жизнь моя, дышанье.

Родина! Возьми их у меня...

Или она выдумала это?

Сто двадцать пять блокадных граммов

Соемём и кровью пополам.

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

– Думая, с ним надо было обойтись деликатней, не следовало лишать его гражданства. На чужбине он тосковал по родине. Кому-то писал или говорил: «Здесь в День Победы даже выпить не с кем...» А первая повесть его была замечательная и справедливо получила Сталинскую премию. Я до сих пор помню фамилии и имена её персонажей. Говорят, что заглавие ей дал сам Сталин. Он ведь всё читал, что выдвигалось на премию.

– Если уж говорить об изменении отношения к писателю в связи с темой войны, то не могу не сказать о Бушине по поводу его дневника в эти годы. Вот что записал он 30 июня 1941 года: «Итак, пошли на войну с Россией немцы, финны, итальянцы, словаки, венгры, албанцы и румыны. И все говорят, что это священная война против коммунизма...» Тут в милосердном шеститомном издании 1988 года под редакцией Ю. Бондарева сделана купюра <...> Классик констатировал, дескать, факт и всё. Нет, там дальше вот что: «Как поздно опомнились! Почти 23 года терпели его!» Коммунизм-то. Уж не могли, мол, лет на 10–15 раньше. Да ведь нет, Черчилль и его собра-то по разбору сразу опомнились, уже в 18-м году и ринулись: англичане –

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

А «Горячий снег» и «Батальоны просят огня» Бондарева? А «Пядь земли» Бакланова? А «Убиты под Москвой» и «Это мы, Господи!» Константина Воробьёва? А «Иван» Владимира Богомолова? А «Брестская крепость» Сергея Смирнова?

Или глгали после войны Калатозов в фильме «Летят журавли», Чухрай – в «Балладе о солдате»? Озеров – в «Освобождении»? Или художники Корин и Пластов, Дейнека и Кривоногов?... Как характерно, что у немцев за всю войну не появилось ни одной книги о ней, ни одного фильма, ни одной песни.

Из всех упомянутых мной мастеров сегодня с нами один Юра Бондарев, мой старший товарищ золотых студенческих лет...

Почти их память сегодня, читатель, чаркой входит и минутой молчания. О каждом из них можно было сказать: настоящий человек!

– Как с возрастом менялось ваше отношение к тем или иным произведениям о войне? Возможно, в первые годы после войны и, скажем, в 70-е, а тем более в 90-е, восприятие отличалось, что-то начинало раздражать, что-то выделось в новом свете...

– А почему оно должно было меняться? И какой такой «новый свет»? Он, что, исходил от Ельцина и Путина, от патриарха и военного министра Сердюкова, от Радзинского и Чубайса? Да, один из названных палнул в белый свет, как в копеечку: Гитлер это, мол, бич божий нам за наше безбожие. Но не хватало ума объяснить, почему же Господь даровал победу нам, безбожникам, а не бичу своему, который 22 июня 1941 года приказ войскам ведь закончил словами надежды: «Да поможет нам Господь!» Не помог... Хотя и Геринг уповал: «Я надеюсь на Всемогущего, посланного нам фюрера...» И Риббентроп умолял: «Господи, храни Германию!» Не помог, хотя и у воинства были ремни, на пряжках которых сияло «С нами Бог!».

Менялось отношение не к произведениям о войне, а к некоторым писателям.

– Выглядели ли отношение к автору на восприятие созданного им литературного произведения? Вот, например, Виктор Некрасов становится диссидентом, эмигрирует. В связи с этим стала ли восприниматься повесть «В окопах Сталинграда» по-другому?

– Думаю, с ним надо было обойтись деликатней, не следовало лишать его гражданства. На чужбине он тосковал по родине. Кому-то писал или говорил: «Здесь в День Победы даже выпить не с кем...» А первая повесть его была замечательная и справедливо получила Сталинскую премию. Я до сих пор помню фамилии и имена её персонажей. Говорят, что заглавие ей дал сам Сталин. Он ведь всё читал, что выдвигалось на премию.

– Если уж говорить об изменении отношения к писателю в связи с темой войны, то не могу не сказать о Бушине по поводу его дневника в эти годы. Вот что записал он 30 июня 1941 года: «Итак, пошли на войну с Россией немцы, финны, итальянцы, словаки, венгры, албанцы и румыны. И все говорят, что это священная война против коммунизма...» Тут в милосердном шеститомном издании 1988 года под редакцией Ю. Бондарева сделана купюра <...> Классик констатировал, дескать, факт и всё. Нет, там дальше вот что: «Как поздно опомнились! Почти 23 года терпели его!» Коммунизм-то. Уж не могли, мол, лет на 10–15 раньше. Да ведь нет, Черчилль и его собра-то по разбору сразу опомнились, уже в 18-м году и ринулись: англичане –

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

Или глгали Маргарита Алигер в поэме «Зоя», Александр Бек в «Волоколамском шоссе», Муса Джалиль в «Мабитской тетради», Ванда Василевская в «Радуге», Борис Горбатов в «Непокорённых»? Или Павел Антокольский лицемерил в поэме «Сын»?

уразуметь, почему за несколько дней до победного окончания этой великой битвы ему присвоили звание маршала, и он получил орденов Суворова...

Геннадий Зюганов накануне парада взывает к президенту по поводу мажорировки Мавзолея: «Призываю Вас в ознаменование вступления 7 мая на высокую должность президента снять с Мавзолея позорные ограждения...» Этим ограждением в этом году уже десять лет – юбилей! Но 1 мая прошла демонстрация по Красной площади, и что Мавзолей? Как был в блокаде, так и стоит. Неужели создатели этой блокады никогда не думали о своей смерти, о том, что будет с их могилами? Видимо, не думали и рассчитывают на своё персональное бессмертие.

Нам предлагают новые образцы интеллектуального парения. Вот сейчас в канун Дня Победы, как стемнеет, затеяли с помощью нынешних великих световых эффектов имитировать налёты немецкой авиации на Москву. Вы поняли? И москвичи воочию видят, например, как под фашистскими бомбами рушится Большой театр. На самом-то деле только одна бомба угодила в вестибюль, но нам показывают, как театр горит, рушится... Видимо, это и есть один из прощупов в деле патриотического воспитания народа. И ведь какие тут богатые возможности! Взять, например, и изобразить, как 23 августа 1942 года сотни немецких самолётов обрушились на Сталинград, как полыхал город и гибли в огне и под бомбами тысячи его жителей. То-то картина увлекательная. Или как 22 марта 1943 года немцы подожгли и расстреляли деревню Хатынь со всеми её 149 жителями, из которых половина детей. О, нестерпаемый кладезь...

Хотя согласен, где-то что-то на клеточном уровне меняется. Например, в этом году пригласили меня на парад в День Победы. Билета ещё нет, но если не передумают, пойду с красным знаменем и с двумя портретами. Один буду держать у груди на виду, а второй, если удастся, брошу к подножию Мавзолея, как 24 июня 1945 года бросали мы вражеские знамёна.

– Вопросы задавал Вадим Попов

Литпремии

В Москве вручена Литературная премия Александра Солженицына.

В этом году награду впервые получили художники книги – Виктор Бритвин (автор иллюстраций к произведениям Н. Гоголя, М. Твена «Приключения Тома Сойера» и Д. Толкина) и Сергей Любуев, проиллюстрировавший сказки О. Уайльда, мифы разных народов и сборник «Тысяча и одна ночь». Церемония вручения состоялась в Доме русского зарубежья.

Литературная премия А. Солженицына основана в 1998 году по инициативе самого писателя. В разное время её лауреатами становились: Валентин Распутин, Виктор Астафьев (посмертно), Юрий Кублановский, Ольга Седакова, Алексей Варламов, Леонид Бородин, Борис Екимов, Игорь Золотуский, Олег Павлов, Елена Чуквская, Сергей Бочаров и другие известные деятели литературы и культуры. Жюри премии возглавляет президент Фонда Солженицына Наталья Солженицына.

Интервью с лауреатами премии А. Солженицына Виктором Бритвиным и Сергеем Любуевым читайте в ближайших номерах.

Лауреатом Премии Норы Галь 2018 года стала московская переводчица Светлана Силакова за рассказ Лусии Берлин «Звёздочки и святые». Специальных наград удостоены также переводы Татьяны Ермашквич (Минск) и Елены Кисленковой (Санкт-Петербург).

Литконкурс

Историко-литературный журнал «На русских просторах» объявил о начале приёма работ на Международный литературный конкурс «Серебряный голубь России-2018», посвящё

ПРОЗА

Борис Васильев.
Аты-баты, шли солдаты. —

М.: Вече,

2018. — 368 с.

На произведениях Бориса Васильева — фронтовики, известного прозаика и драматурга — выросло не одно поколение читателей и зрителей: фильмы по его сценариям мы по-прежнему пересматриваем каждое 9 Мая...

В этот сборник вошли повесть «Завтра была война», рассказывающая о сложной судьбе советских старшеклассников, а также две киноповести, которые легли в основу одноимённых популярных фильмов: «Аты-баты, шли солдаты» и «Офицеры». Переиздана военная проза Васильева в канун очередной годовщины Победы станет отличным поводом ещё раз обратиться к этим сюжетам: пусть даже мы знаем их наизусть, каждый раз они задавают за живое, как в первый...

ИСТОРИЯ

Нина Петрова.
Женщины Великой Отечественной войны. —

М.: Вече,

2018. — 696 с.

На фронтах Великой Отечественной войны сражались почти два миллиона женщин, и уже одно это — уникальное явление в истории Второй мировой войны: СССР был единственной страной, где представительницы прекрасного пола принимали непосредственное участие в боевых действиях. Более 80 тысяч женщин воевали в офицерском звании. 90 человек были удостоены звания Героя Советского Союза, а четверо женщин-воинов стали кавалерами ордена Славы.

Неудивительно, что тема «Женщины в годы Великой Отечественной войны» остаётся в поле зрения историков, писателей и журналистов. В основу этого сборника легли почти 300 уникальных документов из Российского государственного архива социально-политической истории: официальные постановления, директивы и докладные записки 1941–1945 гг., документальные свидетельства о подвигах 37 девушек-военнослужащих, а также письма-воспоминания, рассказывающие о тяжёлой женской судьбе в военные годы.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Станислав Аристов.
Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. —

М.: Молодая гвардия, 2017. —

319 с.: ил. — 3000 экз. — (Живая история: повседневная жизнь человечества).

Книга историка-исследователя Станислава Аристова — первое издание в отечественной и зарубежной историографии, посвящённое будням нацистских концентрационных лагерей Третьего рейха и оккупированной территории Советского Союза. Несмотря на такую страшную тему, автор описывает это явление, ставшее воплощением жестокости, максимально объективно и доступно: не смакует ужасающие подробности и опирается в своём повествовании на достоверные источники.

Кроме повседневной жизни узников, в книге подробно описан мир лагерной администрации и охраны, а также те институты и персоны, которые руководили всей системой.

В оформлении издания использованы архивные фотографии.

Подготовила **Л. Тарасова**

Радоваться за другого

Выпал счастливый случай: приобрёл бесценную для меня (по прочтении — для многих и многих читателей) книгу автора многих повестей и романов Михаила Фёдорова из Воронежа. Польхнуло с обложки высверком молнии: ЕГОР ИСАЕВ. Пропёлся по тропам молодости. Всплыли в памяти далёкий сентябрь 1964 года, Москва, Тверской бульвар, дом Герцена, Литинститут... И мы — счастливицы, одолевшие непростые преграды творческого конкурса, экзаменов, собеседований... Мы — студенты Литературного института им. А.М. Горького! Перешёптываемся: «А ты у кого в творческом семинаре? Хорошо бы к Егору Исаеву! «Суд памяти» — такого в мировой литературе не было... Вся философия войны... Стрельбище...

Поистучным, пачечным, строчным Сколена бил, с брони, Непобанерным — по живым! И падали они...

Конечно же, все абитуриенты-поэты стремились попасть в творческий семинар Егора Исаева. Повезло немногим, десятёркам из всего Союза. Среди них — любимчиков судьбы — я со своими первыми пробами пера и с верой в счастливую поэтическую звезду...

И вот «Четверг». Семинар. Сидим мы, притихшие, в аудитории, ждём. Сейчас... Сейчас... И дверь открылась, и вошёл Он. Обыкновенный, с лёгким подрагиванием головы, для нас — великий! Нам казалось, что он может переставлять с места на место горы! Несколькими возвышенно произнёс: «Ребята, я буду брать вас и запускать в космос!» Не все сообразили сразу, что речь не о космонавтах... Читали стихи, обсуждали их, ругались... Всё принимал, но когда один из нас презрительно сказал ему о стихах семинариста: «А где вы здесь увидели стихи?!» — резко осадил «критика». «Чтоб я такого больше не слышал! Нельзя сытоги, снобизма, всезнайства... Ты помоги ему, если умеешь». Вот это

Михаил Фёдоров.
Егор Исаев. —

Воронеж: ОАО «Воронежская областная типография» — Издательство им. Е.А. Болховитинова,

2017. — 632 с. (Серия «Замечательные люди Воронежского края»).

«помоги», как я потом удостоверялся, и составляло явление «Егор Исаев». Прежде за другого, потом за себя... Научитесь радоваться за другого... Потому и сказано им мэру Москвы на его слова: «Моя Москва»: «Москва — она должна для всех, тогда она Москва»...

И всё величие этого Поэта-Гражданина отражено в книге о нём Михаила Фёдорова «Егор Исаев». Сам автор, конечно же, на тех же позициях, что и Исаев. Он единомышленник. Безусловно, он понимает, что творчество Егора Исаева — это глубинное отражение времени, в котором жил поэт, вселенский трагизм этого времени (поэма «Суд памяти»), страстный призыв к человечеству: Опомнитесь! Ведь не опомнитесь — обугленная Планета!..

Творчество Исаева очень современно. У нас потихоньку исчезает дух коллективизма (остаётся только у фанатов на футбольном поле). Каждый за себя, за другого — ни-ни-ни. А ведь мы зависим друг от друга: в беде, в бою — раненый — разве бросишь его?! Сам погибай, а товарища выручай! Человек человеку — друг, товарищ и брат. В Великую Отечественную мы победили во многом оттого, что было: «Сначала за другого, потом за себя», за счёт братского отношения друг к другу. Сегодня в боль-

шинстве, к сожалению, — сам за себя. Удельные княжества, непонимание и нежелание понимать друг друга. В таком состоянии дел, отношений, да обладая чудовищной силой огнём, недолго и Землю, планету-матушку испепелить.

В книге Фёдорова ярко показаны эпизоды из произведений Исаева, где его лирический герой — автор — терзается всеми тревогами, всеми болями за сбережение живого на Земле. И это современная, насущная, жизненно необходимая литература. Фёдоров ярко показал в книге, что произведения Егора Исаева, их суть — «За других!». За нас самих, за наших детей, внуков, правнуков, за грядущие поколения. Живите, люди! Живите и помните, что в мире есть стрельбища, где пуля — праматерь снарядов, ракет, где натаскиваются убивать.

Михаил Фёдоров почти документально воспроизвёл свои разговоры с Егором Исаевым во время многочисленных встреч с ним. В этом и ценность повествования, что оно не сочинено, что это живая правда.

Большая литература — она в Слове. Ушёл Шолохов, а Григорий Мелехов — человек войны Гражданской — мечется, терзается, ищет на распутье свою, правильную дорогу в жизни. Ушёл Твардовский, а Тёркин — человек войны Отечественной — сооружает самокрутку и утверждает, мол, ничего, братцы, били припелёчек, бьём и будем бить! До самой победы! Ушёл Исаев, а его герой — человек «последней» — бьёт тревогу «всей многотрубной медью»! Оглянитесь! Посмотрите, как истлевают живых выученики стрельбищ. Помните и всей сутью своей оберегайте живое...

Слава богу, что среди наших писателей нашёлся автор, увидевший и оценивший произведение великого русского поэта-гражданина Егора Исаева, который в своих стихах и поэмах отразил век, его начало, стремительное бурно-кровавое течение, великую тревогу, боль за судьбы нынешних и грядущих поколений.

Николай Куленко

ФЕСТИВАЛЬ

«Цель поэзии — поэзия»

В Лихославле прошёл фестиваль «Соколовские чтения», приуроченный к 90-летию со дня рождения поэта Владимира Соколова (1928–1997), масштаб творчества которого значительно превосходит его славу.

На праздник высокого поэтического слова приехали поклонники творчества Владимира Соколова, участники литературных объединений области, представители учреждений культуры и искусства. Открытие фестиваля состоялось в библиотеке имени В.Н. Соколова, а торжественная часть — в школе искусств.

Опытные авторы и совсем юные стихотворцы собрались в этих стенах, чтобы почтить память Влади-

мира Соколова. Среди них — тверские поэты Ефим Беренштейн, Вера Грибникова, Владимир Львов, Галина Киселёва, Любовь Гордева, литературный критик Александр Бойников. Представители литературных объединений приехали из Бежецка, Вышневолочка, Спириева, Твери и других городов области.

Литконсультант Дома поэзии Владимир Львов зачитал приветственное письмо Андрея Дементьева, учившегося с Владимиром Соколовым на одном курсе Литературного института им. А.М. Горького.

Произвело впечатление выступление сестры поэта — Марины Соколовой, ставшее заключительным аккордом торжественной части фестиваля.

Мария Парамонова

Не предавайте братские могилы

Валентин Сорокин

Высшими литературными курсами. Стихи Валентина Сорокина переведены на многие европейские языки, на арабский, японский и хинди.

К уезжающим

Россия наша бедами объята,
Но с нами Бог и солнышко надежд.
Не предавайте Родину, ребята,
Её вам не заменит зарубеж.
Желаю вам я верности и силы
На каждый миг,
на каждый день и час.
Не предавайте братские могилы,
Защитников Отечества и нас!
Бессмысленны успехи и страдания,
Тропа судьбы и добрый звёздный свет,
Ведь без любви к России

нет призванья
И счастья нет, и человека нет.
Я никаких заветов не нарушу,
Отвергнув олигархов перелёт:
Богатый тот,
кто подвиг свой и душу
В родном краю России отдаёт.

Мы в бой идём не для наград

Андрей Никольский

Обладатель множества наград, в том числе ордена за вклад в культуру России и ордена Почёта. Песни на его стихи исполняют Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Ирина Мирошниченко, Академический ансамбль песни и пляски внутренних войск МВД России и другие известные артисты и коллективы.

Россия, ты видней издали.
Мне не стянуть с висков осеннюю порошу,
И всё сильней болит моя душа,
Пробитая осколками под Оршей.

Россия, ты видней издали.
И оттого мне только горше,
Что опадает жёлтая листва
Моей судьбы, затерянной под Оршей.

Россия, знаю я наверняка,
Что для тебя я мог бы сделать больше.
Но оборвалась звонкая струна
Моей души, расстрелянной под Оршей.

Россия, ты заранее права,
Но понимаю я, что не сумею долгие
Глотать слезу печального Христа,
Распятого ошибками под Оршей.

Что в жизни нашей может быть дороже:
Банкирский шик

или воинский гранит?..
Богатый тот, кто Родине поможет
И русский меч Победы сохранит!
Цинична совесть и нахальна воля,
И дьявольская доля у того,
Кто на пути
от нищеты и боли
Не защитил ни разу никого!

Против бесов

л.с.

И на правду есть завесы,
Без молитвы, без креста...
Храм Христа взорвали бесы
И предатели Христа.
Поднимал он над рекою
Золотистые кресты,
Но давал врагам покоя
Благодетством красоты.
Рухнул в реченьку с обрыва
Храм,
и стаей облаков
По стране поплыли взрывы,
Боль и стон колоколов.
В душах многих поколений
Рана эта запеклась, —
С чьих расистских повелений
Русских мучает напасть?!
И сегодня русских травят,
Жгут,
бомбят,
берут в полон,
США Европой правят
И холопствуют ООН!..
На Донбассе кровь и слёзы,

Россия, слышу я издали
Прощальный звон,
и не успеть мне больше
Взглянуть, как опускается заря
На белый снег,
на красный снег под Оршей.

***
Заслонил глаза от света
И на ощупь ждётся ответа.
Брохо вспорото запертой
Песней выстрела в упор.
И упал по ходу пеня,
Ждал от Господа спасенья,
От судьбы своей везенья,
А от вести — укор.
Десять дней, прижав к макушке
Каски, сплюсненные в стружки, —
А проходы в жизни узки —
Выжить сможет только тот,
У кого в кишках негусто,
Злобы в сто листов капусты,
От обиды в сердце пусто,
Кто плевал на пулемёт.
Раз уж драка — это дело.
Чувство боли онемело,
А лицо, наверно, бело,
Кровь в ногах и кулаках.
В предвкушенне рукопашной
Вдруг испарина и — страшно.
Ну а в памяти вчерашней
Лишь кресты на бугорках.

***
Мы в бой идём не для наград,
А повезёт — промчатся пули мимо.
Да, я своей страны солдат,
И чувство Родины живёт неотделимо.

Пусть смертный бой — нам не впервой,
И не с руки бояться рукопашной.

Не проехать, не пройти,
Вновь фашистские угрозы
Препраждают нам пути.
Но к скорбящим храм явился,
Поднял крест он из-за туч,
Встал и звоном озарился,
Колоколен и могуч.
Высверк братства не потушен,
Потому,
а неспроста,
Воскресают наши души,
Как бессмертный Храм Христа!

За молитвами одиночества

В нужде я и в бедах рос,
Без войн не бывало дня.
Спасибо тебе, Христос,
Что ты уберёг меня.

Мы, русские, взяты тьмой,
Мы гибнем, а не враги.
Бессмертный защитник мой,
Детей моих сбереги.

И той не скупись помочь,
Чья нежность всегда со мной.
К ней сердце летит сквозь ночь
Над раненою страной.

Упал, надломившись, друг,
Я слышу, на трассе вновь
Не листья шумят вокруг,
А льётся с деревьев кровь.

Такой на земле мороз,
Такая шальная мгла.
Один ты у нас, Христос,
И воля твоя светла.

Отчизны сын — всегда герой.
А за Россию умереть не страшно.

И генерал, и рядовой за честь страны
Готовы драться до победы:
Российский флаг над головой —
Победный флаг отцов и дедов.

***
Сколько горя и страдания,
Сколько недопониманья
От потери и прощанья.
От несбывшей мечты.
Рвутся бомбы и снаряды,
Через двух даря награды,
Остальным — безвестье и гробы.
На России, знамо дело,
Дрались лихо и умело,
А в стратегии пробелы
Закрывали животом.
Прилепив к рукам винтовки,
Взяв по двести граммов водки,
От «Ура!» не хрипли глотки,
Уж ответные попом.
Сколько их лежат убитых,
Дорогих, не льком шитых,
В поле, трупами распитом,
Ветер впитывает стон.
Одуреть лежать в окопе,
Сажу липнет к лицам в поте,
А ребята — на четверть роты.
Вот тебе и батальон.

***
Сколько мне отмерено,
Только сердцу велено
До конца и бережно
Родину любить.
Под берёзой, клёном ли
Сердце похоронено,
Оттого и хочется

О, русских теснят окрест
И двигают на убой,
Но мы пронесём свой крест
Межзвёздной твоей тропой!..

Возвращение к матери

На землю да на Бога обопрусь
Среди житейских бурь и перекосов...
Не отнимайте Киевскую Русь
У сыновей её, великороссов.

Они ушли из приднепровских мест
В объятья азиатского тумана,
И золотой хриstopодобный крест
От океана взмыл до океана.

Тот крест летит, бессмертием не снят,
На трассах шумных и на тропях узких
Сегодня снова конники теснят
И с гиком заарканивают русских.

Ещё сверкнут державные слова,
Дабы Россия верная очулась,
И на путях борения Москва
От вражеских ветров не покачнулась.

Я поучать потомков не берусь,
Но, слышите, кричит нам сирин птица:
«Не отнимайте Киевскую Русь,
Мать наказала детям возвратиться!..»

Когда на Воже заскрипят с утра
Кибитки в скорбных ивах переката,
На берегу быллинного Днепра
Брат перед братом смолкнет виновато. ■

Всех и вся простить.
Спит страна-красавица,
А рассвет упрямится,
Всё губами тянется
Землю целовать.
Не вернуться сюда уже.
Огоньками с баржи мне,
Видно, счастья кто-то
Хочет пожелать.
Слышу звон к заутрене.
Время ехать. Муторно!
Через двух даря награды,
Столько разных дел!
Над рекой широкою,
Русской, синеекою,
Над Окой далёкою
Вечер догорел.

***
Над могучей сибирской рекой
Грозный ветер волну поднимает.
Что, казак, ты поник головой,
Что печаль твою грудь разрывает?

Ни таёжная глушь, ни мороз,
Ни глубокие воды речные.
Что ж кручинишься, милый, до слёз —
Никогда не погибнет Россия!

Много лет ты в Сибири прожил,
Енисей твой отец и товарищ,
Красный Яр тебе дорог и мил,
Береги ж этот край от пожарниц.

Новой жизнью страна заживёт,
Путь найдёт свой достойный и правый.
А сибирский надёжный народ
Был и будет опорой державы. ■

Без героя никак нельзя

Повесть Константина Леонтьева на сцене театра «ГЛАС»

Исполнилось 75 лет художественному руководителю Русского духовного театра «ГЛАС», заслуженному деятелю искусств РФ Никите Сергеевичу Астахову. Это повод поговорить с юбиляром, конечно же, о... любимой работе.

— У театра «ГЛАС» большой репертуар, каким бы своим спектаклем вы бы хотели отметить свой юбилей?

Никита Астахов

— Все спектакли как твои дети. Рождаются в муках, взрослеют и мукают во времени. Так, как это происходит в творческом пространстве (хотя и во плоти), то это ближе к детям души, «Дитя души» — на востоке значит воспитанник, дитя, не телом рождённое, а душой принятое; по душе признанное, а не по плоти, и поэтому предметом нашего разговора может быть одна из последних премьер театра, спектакль «Дитя души» по одноимённой повести великого религиозного писателя Константина Леонтьева. «Дитя души» стал программным спектаклем театра.

— Вы глубоко погружены в загадочный и малоизвестный до сих пор ле-

Сцена из спектакля «Дитя души»

онтьевский мир. Каков он? Какие мысли и чувства вызывает?

— Леонтьевский мир — религиозный мир. В «Дитя души» автором (театром тоже) исследуется духовный мир религиозного героя. Религиозная линия героя повести по имени Пётро невольно наталкивает на мысль о герое XXI века — каким ему быть? Если в период Гражданской войны героями были: Чапаев, Будённый, Павка Корчагин, перед Отечественной войной — Чкалов, Стаханов, Паша Ангелина, в Великую Отечественную — Маресьев, Матросов, Гастелло, Космодемьянская, то в последние коммунистические годы (когда система стала выпремывать «герои» входили в откровенное противоречие с реальными жизнью... Потапов из пьесы А. Гельмана «Премия», хорошие партийцы из пьес А. Салынского «Мария», «Сталева» Г. Бокарева, «Человек со стороны» И. Дворецкого и др.

Сегодня многие умы не только в стране, в мире тоже заняты поисками: каким же должен быть современный герой, герой XXI века? Предлагаются супермены, киллеры, секс-символы,

рубахи-парни, даже — антигерои... Все они вроде борются за справедливость, но при этом не гнушаются всякого рода провокациями, вплоть до убийств... Какой же это тогда герой, если он убивает людей?!

Но герой в обществе должен быть, нужен этот положительный пример, которому можно подражать. Обществу никак нельзя без героя.

В нашем разговоре принимает участие директор театра «ГЛАС», соратник и друг Астахова, заслуженная артистка РФ Т.Г. Белевич.

Татьяна Белевич

— Повесть Константина Леонтьева привлекла театр христианским мировоззрением. Нам было интересно то, что повесть насыщена сюжетной и действенной многослойностью, что в ней нет прямого повествования: так жить хорошо, а этак плохо. Евангелия состоят из притч, Господь говорил притчами, и это было понятно для людей — «Притча о виноградаре», «Притча о блудном сыне»... Такие вот истории. Так и в спектакле «Дитя души» линия главного героя составляет череду историй и случаев. Причём та-

ких, которые случаются в жизни каждого человека: искушения, ошибки, радости... И всё это на примере одного человека, который встречается с разными людьми. Причём людьми не только православными, но и из других конфессий и сословий общества. Вот это-то и интересно, потому что ты узнаешь себя во всех этих людях: ведь и ты аналогично поступаешь, поступившись когда-то кем-то. Так, например, герой повести Леонтьева обещал построить дом своим приёмным родителям, но потом вдруг возникает ситуация, когда можно это не делать, а можно просто обогатиться самому. И герой решает: ладно, они (родители) привыкли бедно жить, подождут ещё. Как часто мы сами себя оправдываем, успокаиваем и поступаем вопреки необходимости.

Для нас, как постановщиков, такие ситуации очень интересные, потому что в них, как говорится, «душа назнанку выворачивается» — в этих простых, житейских вещах.

Беседа вел

Юрий Шильов

Полный текст — на сайте «ЛГ».

ЮБИЛЕИ

Восемьдесят+

Аркадий Инин принимает поздравления

Дата симпатичная и ненавязчиво намекает на предвзятые подведение определённых итогов. А они впечатляют. Автор сорока киносценариев (в некоторых фильмах, по ко-

торым ухитрился — пусть не в главных ролях, — но сыграть), тридцати книг юмора, участник двух сотен теле- и радиопередач. Плюс член жюри кино- и просто фестивалей, за-

служенный деятель искусств РСФСР, профессор ВГИКа, орденоседец. Не судим, не привлечался, в порочащих его связях замечен не был...

В общем, полнокровной жизнью живёт человек, можно только позавидовать. Кстати, среди его многочисленных призов и наград есть и наша премия «Золотой теле-носок», которой юбиляр удостоился ещё аж в 1970 году. Давно это было, но помним как сейчас...

Коллектив «Литгазеты» и Администрация «Клуба ДС» поздравляет Вас, Аркадий Яковлевич, с юбилеем. Искренне и от всей души. Побольше бы таких, как Вы, — и жизнь в стране наверняка очень скоро переменялась бы к лучшему. ■

Диалог в красках

При поддержке ГлавУпДК при МИД России прошла персональная выставка заслуженного художника Российской Федерации, доцента ВГИКа им. С.А. Герасимова Павла Витальевича Ильшева.

Его творчество — «мост», который связывает не только влюблённых в искусство людей, но и целые культуры. В частности, Японию и Россию.

Именно через искусство мы познаём друг друга, находим общий язык, даже не зная слов... Культурное наследие и природа и есть те самые «опорные» точки, которые объединяют и сближают народы мира.

Выставка под названием «Россия—Япония: диалог природы и культуры в живописи, графике и киноскетчах» включала несколько разных по характеру и содержанию разделов — японские, российские и крымские пейзажи, а также зарисовки из кино. Но основное внимание, безусловно, было приковано к картинам, связанным с историей японско-российских отношений. Благодаря искусству наши страны узнают друг друга ближе. К слову, это было отмечено одним из главных гостей мероприятия, послом Японии Тоёхисом Кодзуки: «Работа художника и дипломата похожа — я полностью согласен с этим мнением. Потому что искусство, как и дипломатия, играют очень важную роль между странами и народами».

Анастасия Бойко

«Здорово, вшивенькие!»

Не до ордена, была бы Родина...

Владимир Суворцев, народный художник России

Шёл 1965 год. Мне — 14 лет. Тогда впервые широко отмечалась годовщина Победы в Великой Отечественной войне — 20-я. Нам казалось, что война была уже давно. Хотя она была и рядом — в наших семьях, сохраняясь в пиджаках с отцовскими орденами и медалями, в офицерских погонах, которые хранились в ящиках письменного коленного стола, в дедушкиных галлифе (ещё с Гражданской войны!), чудом сохранившихся на дне платяного шкафа. В шинелке из английского дивизиона, служившей теперь нарядкой в дождливую погоду на даче. А ещё в тех окопах и блиндажах, где мы, послевоенные мальчишки, играли в пионерских лагерях под Дороховом и Рузой...

Нашу семью переселили в конце 1959-го из центра Москвы, со Сретенки, в Измайлово. Из замечательной комнаты в коммуналке, граничащей с библиотечной кинотеатра «Уран», — в новостройку на окраине. Но какая же была радость: своя квартира, своя ванная с душем и горячей водой, со своей кухней, с возможностью целыми днями пропадать в Измайловском парке, в лесу у Гольяново, пробираться в коровники и свинарники у деревень Калошино, Черницино... Не жизнь, а рай!

И утром 9 мая 1965-го — длинный звонок в нашу квартиру на первом этаже блочного дома, одного из тех самых «хрущёвок». И входят восемь крупных, громогласных мужчин с колодками или орденами и медалями на пиджаках! С радостными приветствиями, похлопыванием по спине, с шутками-прибаутками... Но первым, помню, прозвучало: «Здорово, вшивенькие!»

Что такое? Как так?! Герои войны, орденосцы, артиллеристы, солдаты и офицеры, и вдруг — «вшивенькие». Годы спустя, читая Эриха Марии Ремарка, французских и советских писателей, встречаясь с ветеранами Афганистана, я понял до конца смысл этой фразы! Воевать ведь — это и вшей кормить...

Памятник лётчикам и техникам полка «Нормандия—Неман» возле французского аэропорта Ле-Бурже

Наши отцы вообще-то редко говорили о войне. А нам не хватало ума, терпения и желания расспрашивать. Да и эпизоды, о которых они вспоминали, подавались ими иронично или с юмором, без всякого пафоса. А когда мы встречали ветеранов у Большого театра, в парке Горького или в метро и на улицах, нам казалось: как здорово, так будет всегда! Увы, время — неумолимо!

И многих и о многом мы не успели расспросить, записать, поблагодарить, посочувствовать, помочь, областовать...

В тот день к нам в Измайлово приехали удивительные люди. Например, очень дорогой мне человек дядя Лёша или (если полностью) Алексей Павлович Белых, народный художник СССР, живописец. Он был командиром у моего отца, артиллеристом гаубичного полка 38-й Гвардейской Лозовской стрелковой дивизии. Да и мой путь в искусство начался с его благословения, с его «коленок»!

Или вот громкоголосый, огромного роста Виктор Козулин. Отец как-то проговорился: в жаркие минуты боя командир давал приказ, и Виктор со знаменем полка в руках первым поднимался в атаку. Бесстрашный абсолютно! Мы долго потом дружили и с Петром Сергеевичем Бочкиным, близким другом отца. Они, радисты, вместе были на передовой при командире полка или вели корректировку огня батареи, засылаемые, когда требовалось, даже в тыл немцев. Имели ордена Славы, Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги». А вот ещё один из фронтовых друзей отца — Александр Семёнович Звёздин, который после войны работал простым московским таксистом. Человек необычайной доброты и скромности...

Как ярко и радостно прошёл тогда праздник! Сколько было веселья и надежды!

Тот памятный день с особой силой проявился в памяти 2 февраля 2018 года. Вместе со своим другом и соавтором, архитектором Владимиром Сягинным мы были приглашены как авторы памятника дважды Герою Советского Союза маршалу

К.К. Рокоссовскому в Волгоград на 75-летие победы в Сталинградской битве. Хотели взять своих сыновей Данилу и Олега, также наших соавторов по этой работе, но, к сожалению, они из-за занятости не могли поехать.

Сягин, помимо всего прочего, родился, вырос и учился в Волгограде, который ещё был Сталинградом. Его отец — тоже ветеран войны, офицер-зенитчик, кавалер трёх орденов Красной Звезды, завершивший боевой путь в Венгрии, где мы с Владимиром «сработали» три воинских мемориала! Кстати, первая боевая медаль моего отца была именно «За оборону Сталинграда». Она дорогого стоила! Почти два миллиона сражавшихся солдат! Сотни тысяч погибших! Ад кропотливый! Наши отцы были храбрыми и удачливыми солдатами...

Мы с Сягинным с особой теплотой смотрели с трибуны почётных гостей Волгограда на группу ветеранов, приглашённых на торжество. С гордостью смотрели на боевую технику, пролетающие самолёты и вертолёты. А потом, на торжественном приёме, помянули всех бойцов Красной армии и близких нам людей мирных, не фронтовыми 100 граммами...

Конечно, с чувством личного причастия к торжествам посетили наш памятник маршалу Константину Константиновичу Рокоссовскому. Ведь именно его Донской фронт сыграл одну из важнейших ролей в Сталинградской битве, именно ему выпала честь пленить фельдмаршала Паулоса и ещё 26 фашистских генералов.

Своим авторским коллективом более пяти лет собирали мы материал для создания памятника маршалу. Провели сотни встреч с оформлением всевозможных документов и протоколов. В итоге удалось добиться установки двух памятников Рокоссовскому — в Москве (скульптор А. Рукавишников) и в Волгограде. Удалось также содействовать переименованию станции метро «Площадь Подбельского» в «Бульвар Рокоссовского» по решению Правительства

Особо греет наши сердца понимание, что те, кого уже нет в этой жизни, те самые «вшивенькие», нас горячо бы, по-солдатски одобрили. ■

МЕЖДУ ТЕМ...

Как стало известно, в аэропорту Париж-Ле-Бурже намечено поменять месторасположение памятника Владимира Суворова «лётчикам и техникам полка «Нормандия—Неман». Объясняют это реконструкцией территории аэропорта и строительством станции метро. Почитаемый же памятник собираются (как говорят французские администраторы) передвинуть в закрытый амбар лет эдак на 5—7. Мероприятия, связанные с 75-летием высадки союзников в Нормандии, освобождением Франции и завершением Второй мировой войны, обойдутся, таким образом, без этого символа боевого братства воинов России (СССР) и Франции. Не будем гадать, но это решение вполне соответствует общей политике европейских государств с их негативным отношением к России в настоящее время. Придут ли другие времена?

Немало лет ушло на то, чтобы памятнику маршалу Рокоссовскому встал вблизи Волги...

Москвы. Очень благодарны мы Российскому военно-историческому обществу. Постамент же в Волгограде был установлен на средства Министерства промышленности и торговли. Благоустройство, монтаж и церемония открытия взяли на себя власти города и губернатор области.

Жаль только, что чуток забыли про нас, про авторов. Вся работа над образом маршала, литьё в бронзе было осуществлено нами самими, на свои средства. Хотя спустя 5—10 лет кому это будет интересно?..

Нас радует, что монумент стоит на самом видном месте между Мамаевым курганом и знаменитой панорамой, стал одной из достопримечательностей города-героя. А судьба художников всегда мало кого волновала! И до закона о мемориальном наследии в нашей стране с нашей Госдумой ещё ой как далеко!

Особо греет наши сердца понимание, что те, кого уже нет в этой жизни, те самые «вшивенькие», нас горячо бы, по-солдатски одобрили. ■

Человек тысячелетия

Исполнилось 200 лет со дня рождения Карла Маркса

Когда 14 марта 1883 года, не дожив нескольких недель до 65 лет, Карл Маркс умер, его друг Фридрих Энгельс заметил: «Человечество стало ниже на одну голову, и при том на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало». На похоронах Энгельс предрёк: «И имя его, и дело переживут века». Такие оценки казались завышенными. А через 100 лет чуть ли не половина населения Земли исповедовала марксизм. И ныне влияние Маркса огромно. Отвергла ли Россия его учение полностью и навсегда?

Деньги рождают деньги

До Маркса считалось, что Идеи и Разум правят миром. Он изменил взгляд на историю, дав ей материалистическое обоснование. В жизни общества наиболее важна экономическая сфера, связь, складывающаяся между людьми в производстве, определяют остальные. Двигатель развития человечества – прогресс производительных сил. Маркс открыл всеобщий закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил. Вместе они образуют способ производства, который определяет надстройку общества – политику, право, культуру, идеологию и соответствующие им учреждения.

Стержень истории человечества, по Марксу, – это последовательно сменяющиеся общественно-экономические системы. Теперь это столь общепризнанная истина, что имя Маркса как её первооткрывателя часто даже не упоминают. Это относится и ко многим открытиям им экономическим законам.

На экономическом факультете МГУ, где я учился, курс капитализма преподавали знающие люди. Кафедру политической экономии долгие годы возглавлял мой отец, слышавший в этой сфере корифеем. Те, кто слушал его лекции, до сих пор с теплом и благодарностью вспоминают Николая Александровича. Как-то я спросил отца: «Можешь в двух словах передать содержание «Капитала»?». Последовал ответ: «Бей буржуев!». С годами я осознал: классовый характер произведения на самом деле узловой, хотя и далеко не единственный аспект.

«Конечной целью моего сочинения, – пишет Маркс в предисловии, – является открытие экономического закона движения современного общества», а оно «не твёрдый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения». Но как изучать социальный «организм»? «При анализе экономических форм, – поясняет учёный, – нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции». Методология Маркса включает движение от простого к сложному, от абстрактного к конкретному.

Маркс подвергает скрупулёзному анализу «экономическую клеточку буржуазного общества» – товарную форму продукта труда, или форму стоимости товара. Труд в таких условиях противоречив: с одной стороны, он конкретный, с другой – абстрактный. Первый создаёт определённую потребительную стоимость, второй – стоимость товара. Ступки абстрактного труда заключены в товаре и определяют количественные параметры обмена. Маркс показывает и то, как обмен товаров привёл к рождению денег и как они стали превращать-

ся в капитал – качественно новое их состояние – деньги, порождающие ещё большие деньги. Отсюда – основной закон капитализма – теория прибавочной стоимости, раскрывающая сущность эксплуатации.

В отличие от предыдущих, эта форма скрыта под покровом товарно-денежных отношений. Вроде никто никого не принуждает и, продавая и покупая товары, все действуют на равных. Но это не так. На рынке есть особый товар – рабочая сила. Её стоимость определяется количеством благ, необходимых для существования работника, и меньше той, которую она может создать в процессе использования. И этот товар не может торговаться свободно. Его надо всё время продавать, так как жить без средств к существованию нельзя.

И виселица не страшна

Итак, капиталист оплачивает лишь часть труда рабочего, подчас незначительную. Наличие безработных позволяет предпринимательскому классу занижать зарплату и увеличивать свою прибыль. Конкуренция капиталов между собой ведёт к их концентрации и централизации. Ожесточённая борьба за прибыль не знает границ. Маркс приводит слова одного английского публициста, что при 100% прибыли капитал «попирает все человеческие законы», а при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Как тут не вспомнить наши лихие 90-е с их беспределом!

Но капитализм роет себе могилу. «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несоместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьёт как капиталистической частной собственности».

Многие мыслители (от Томаса Мора до Николая Чернышевского) мечтали о справедливости и гармоничном обществе, где все бы жили счастливо и в достатке. Но их идеи оказывались утопическими, ведь авторы не находили объективные и субъективные факторы достижения цели.

Маркс нашёл. В «Манифесте Коммунистической партии» содержится предупреждение: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма... Пусть господствующие классы содрогнутся перед коммунистической революцией». Пролетариям нечего терять в ней, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир». Эти идеи пройдут через всю его жизнь. Но развёрнутое обоснование социализма дано в его фундаменталь-

ных политэкономических работах. Маркс считал: на мере обострения основного противоречия капитализма возникает и организованный рабочий класс, способный привести в соответствие форму производства его характеру. Парламентская демократия позволяет развиваться политическому сознанию пролетариата, что и нужно для свершения революции. Придя к власти демократическим путём, большинство народа должно укрепить её благодаря «диктатуре пролетариата», направленной на уничтожение прежнего репрессивного аппарата. Так открывается

в самых различных областях, запойно читал. В не по годам зрелом сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» отмечал: «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым учёным, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком...»

В 17 лет он по совету отца поступил на юридический факультет Боннского университета, где открыл для себя диалектика-идеалиста Гегеля, тогда господствовавшего в немецкой философии. В свидетельстве об окончании первого курса вместе с похвалами отмечалось, что как-то он был «заключён на сутки под стражу за хулиганство и пьянство в ночное время». Узнав об этом, отец решил перевести его в Берлинский университет, где, как казалось, «было меньше внеаудиторных соблазнов».

Маркс в молодые годы

Титульный лист последнего номера «Новой Рейнской газеты» (19 мая 1849 г.), которая издавалась в Кёльне под редакцией Маркса

путь к обществу более высокого порядка, где «свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех». При этом сами революции – лишь повивальные бабки истории, «облегчающие муки родов».

Он считал, что в странах, где нет ни демократии, ни развитого капитализма (как, например, в России), социалистическая революция не достигнет успеха, если одновременно не разразится мировая революция.

Сутки за хулиганство

Маркс родился 5 мая 1818 г. в немецком городе Трире Рейнской провинции тогдашней Пруссии. Хотя «Капитал» именуется «Библией рабочего класса», его автор произошёл из зажиточной семьи еврейских буржуа. Отец – председатель коллегии адвокатов Трира Генрих (Гершель) Маркс, в роду которого немало раввинов, владелец виноградинок. Мать – голландская еврейка Генриетта Прессбург – также из семьи раввинов.

Карл отлично учился в гимназии, проявляя незаурядные способности

уже в 23 года Карл – доктор философии и участник так называемого «Профессорского клуба», куда входил радикально настроенные младогегельянцы. Вскоре направляется в Бонн, намереваясь работать в университете, но не вышло, и он начинает сотрудничать с находящейся в Кёльне «Рейнской газетой». В письме о нём к другу хозяин газеты М. Гесс сообщает: «Доктор Маркс – так зовут моего кумира – ещё совсем молодой человек. Но именно он нанесёт последний удар средневековой религии и политике; глубочайшая философская серьёзность сочетается в нём с тончайшим остроумием; вообразите себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля, соединёнными вместе в одном лице, – я говорю соединёнными, а не смешанными, – и это будет доктор Маркс».

«Кумира» вскоре назначили главным редактором издания. И число подписчиков газеты утроилось, многие стремились туда писать, в том числе Фридрих Энгельс – сын фабриканта, интеллигент, с которым Маркс познакомился ещё в Берлине. Фридрих хорошо знал положение рабочего класса в Англии, как и Маркс, владел несколькими иностранными языками и увлекался философией. Их знакомство переросло в дружбу.

Николай I против Маркса

Работая над одной из статей по правовым проблемам, Маркс обнаружил, что его познания в политэкономии поверхностны, и решил восполнить их. Именно политэкономия станет основным прищипом приложения его сил, в ней он совершит научный переворот, ставший фундаментом нового революционного мировоззрения.

Иные наши соотечественники отчасти объясняют свой скепсис в отношении к Марксу тем, что он «не любил русских». Это не совсем так – ему не нравился монархический режим. В «Рейнской газете» от 4 января 1843 года Маркс назвал царскую Россию главной опорой европейских диктатор. Узнав о статье, Николай I потребовал у своего прусского союзника, чтобы тот получил «пристраивать» за пресой. Король Фридрих Вильгельм IV распорядился закрыть указанный печатный орган.

Оказавшись на вольных хлебах, Маркс ещё активнее выступает в различных изданиях, его взгляды всё более радикальны. Почувствовав опасность ареста, диссидент осенью 1843 г. переехал во Францию, но его изгоняют и оттуда. В 1849 г. Маркс перебирается в Лондон. Там он проведёт остаток жизни.

В условиях нужды

А жились в эмиграции крайне тяжело. Маркс с семьёй существовал в основном за счёт финансовой поддержки Энгельса, небольших наследств, случайных заработков от написания статей в газеты, скудных гонораров за книги. В одном из писем Маркс пишет: «Жена больна. Дочь Женни больна. У меня нет денег ни на врача, ни на лекарства. В течение 8–10 дней семья питалась только хлебом и картофелем... Мы задолжали за квартиру. Счета булочника, зеленщика, молочника, торговца чаем, мясника – все не оплачены». Как-то он попытался продать что-то из семейного серебра, но полиция задержала его, заподозрив в воровстве. Женни пришлось доказывать обратное и вызывать мужа. Нищета была так велика, что от болезней в раннем возрасте умерло трое их детей.

Но Маркс не отступал от разработки своей экономической теории. Большую часть времени проводил в библиотеке Британского музея, где осваивал многие другие науки и огромный фактический материал. В 1864 г. он организовал «Международную рабочую ассоциацию», позднее переименованную в Первый Интернационал. Позже возникли острые разногласия между Марксом и лидером анархистов из России Михаилом Бакуниным. Полемицируя с Марксом и сторонниками революционной диктатуры, Бакунин заявлял: «Если взять самого пламенного революционера и дать ему абсолютную власть, то через год он будет хуже, чем сам царь». Через какое-то время Бакунина и анархистов изгнали из организации. Тем не менее в написанном позже эссе «Мои отношения с Марксом» Бакунин отмечал: «Маркс – человек очень большого ума и учёный в самом широком и серьёзном смысле этого слова. Кроме того, Маркс пламенно предан делу пролетариата, которому он отдал всю свою жизнь».

Триумф и канонизация

Хотя имя Маркса получило широкую известность при его жизни, подлинный триумф пришёл потом. К Энгельсу потянулись многочисленные почитатели, в том числе и из России. Основположением русского марксизма стал вынужденный эмигрировать в Европу Георгий Плеханов. Он перевёл на русский язык «Манифест Коммунистической партии» и некоторые другие работы Маркса и Энгельса.

Среди вызвавшихся помочь Энгельсу в работе над рукописями Маркса были немецкие социал-демократы Эдуард Бернштейн и Карл Каутский. Круг революционно настроенных марксистов не переставал расширяться. В Германии это Роза Люксембург, Карл Либкнехт, в России – Ленин, Мартов и Троцкий. Среди них начались трения и борьба. Один упрекал других в искажении учения Маркса. Появились обвинительные ярлыки «реформист», «ревизионист», «оппортунист», «рэнгет» и др. Ещё при жизни Маркс, узнав, как его интерпретируют представители французской рабочей партии, заявил: «Ясно одно, что сам я не марксист».

Особо острая борьба между сторонниками учения Маркса разгорелась в России. Маркс неоднократно выступал против «казарменного коммунизма», против скороспелых революций. На это постоянно ссылались Плеханов и Мартов. Ленин же полагал, что вследствие

неравномерного развития капитализма в эпоху империализма революция может иметь успех и в его наиболее слабом звене, каковым считал Россию.

Мировая война обострила ситуацию, что привело к падению российской монархии, а затем и к Октябрьской революции. Реализация социалистического проекта в «слабом звене» сопровождалась жестокостями и нарушением элементарных свобод, никак не вписывающихся в идейный арсенал Маркса. Последовавшее засилье партийно-государственной бюрократии прикрывалось знаменем марксизма и необходимостью защиты интересов рабочего класса и трудящихся от внешних и внутренних угроз.

Идеология в СССР разрослась и усилилась. Марксизм представлялся в ленинской, а затем сталинской аранжировке. Антикапиталистическая направленность и классовый характер пронизывали научные труды и литературу. Цитаты из тиражированных произведений Маркса превратились в скрижали. В учебных заведениях марксизм заменил Закон Божий, став вероучением. Маркса канонизировали.

После Второй мировой войны его триумфальное шествие продолжило до масштабов мировой социалистической системы. Марксизм стал привлекателен и на периферии, появились страны «социалистической ориентации». Да и капиталистический Запад, сделав уступки трудящемуся люду и впитав в себя ряд элементов планового хозяйства для сглаживания кризисов, заметно социализировался.

На Востоке марксизм получил реальную прописку в Китае в 1949 году. Мао Цзэдун и после смерти Сталина оставались верен его жёстким методам. «Культурная революция» (1966–1976) не уступала гримасам советской власти 30-х годов. Но по карикатурности на марксизм вперёд вырвался Ким Ир Сен с его чучке

БОРОДА «САТАНИСТА»

Критиковать Маркса и марксизм – любимое упражнение не только наших либералов. Неодоброжелателей и без них хватает. Даже говорят: участь детей Маркса – кара «за его деяния». «Порой казалось, что Маркс одержим демонами, – пишет один из английских биографов Роберт Лейн. – У него было дьявольское видение мира и дьявольская же злоба». В книге его американского коллеги Ричарда Уармбрэнда «Бы ли Карл Маркс сатанистом?» указывается на возможность связей Маркса с некой законспирированной сектой, а в чис-

Первомайская демонстрация в столице ГДР Берлине, 1953 год

Он предвидел и это...

Основные идеи Маркса не могут изжить себя. Они вечны, как и открытия Архимеда, Коперника, Галилея, Джордано Бруно. Под флагами марксизма продолжают править лидеры Китая, Вьетнама, Кубы, КНДР. В ходе недавних выборов президента РФ среди восьми кандидатов было трое коммунистов или тех, кто связан с ними.

Главные идеи учения Маркса продолжают эксплуатировать мир. Оранжевые революции на Ближнем Востоке и Северной Африке, события на Украине и в Сирии говорят об агрессивных и неокolonialистских устремлениях Запада, особенно его англосаксонского звена, что несёт угрозу апокалипсиса. Особому нажиму подвергается Россия. Вашингтону и Лондону не нравится её стремление к саморазвитию и отходу от курса, закреплявшего её в качестве сырьёвого придатка и рынка сбыта.

В связи с наложенными на нас санкциями клевреты олигархов стараются

вести их из-под удара. Они утверждают, что миллиардеры-де, не должны нести урон за просчёты политики, а национализация допустима лишь при «справедливой компенсации», но не через «экспроприацию». Почему-то забывается, что состояния олигархов коренятся в «залоговых аукционах» 90-х и подобных им способах отъёма бывшей общенародной собственности СССР. Уже в который раз речь идёт о национализации убытков с прицелом на дальнейшую приватизацию прибыли. Санкции таким образом бьют по интересам народа, а олигархи, как обычно, получают помощь и поддержку от близкого им правительства. Идеи Маркса, стало быть, подтверждаются фактами современной российской действительности.

Верните гения!

По данным опроса, проведённого Библиси в конце 1999 года, в канун нового тысячелетия, Маркс признан величайшим мыслителем тысячелетия минувшего. Опередил Альберта Эйнштейна с теорией относительности, Исаака Ньютона с законом всемирного тяготения, Чарльза Дарвина с его идеями о происхождении видов и человека. Поскольку в Марксе усомнился с необыкновенной совестью и самопожертвованием, его можно назвать и человеком тысячелетия.

Изучающая учебную литературу и программы ведущих вузов мира исследовательская организация при Колумбийском университете в Нью-Йорке Open Syllabus Project установила: работы Маркса занимают третье место в университетах Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Среди американских и других социологов Запада он, как правило, цотируется выше всех, по цитированию занимает первое место. Как пишет английская «Гардиан»: «Невероятный факт нашего времени с его экономическими катастрофами – возрождение интереса к Марксу и марксистскому учению. Объём продаж шедевра политэкономии Маркса «Капитал» постоянно увеличивается... Возрождение интереса к марксизму, особенно среди молодых людей, вызвано тем, что он даёт инструменты для анализа капитализма, и особенно – капиталистических кризисов. Для молодёжи марксизм незапятнанное учение, они не связывают его с ГУЛАГом».

У нас же былое обожествление Маркса сменилось преданием его анафеме. Его имя исчезло из учебных программ вузов и университетов, а идеи замалчиваются. Доморожденные либералы и стоящие за ними столпы капитала сделали всё возможное для этого. Но не пора ли, наконец, и нам вернуть человека тысячелетия на положенное ему место?

Георгий Цаголов

Драма спасения

В канун Дня Победы на экраны России вышел «Собибор» Константина Хабенского

Единственный случай успешно массового побега из нацистского концлагеря в советское время замалчивался. За рубежом выходили документальные фильмы о его участниках, в 1987 году, ещё при жизни руководителя восстания Александра Ароновича Печерского, была снята картина «Побег из Собибора» с Рутгером Хауэром в главной роли. И вот через тридцать лет историю восстания, которое возглавлял офицер Красной армии, экранизировали в России. Главную роль сыграл Константин Хабенский, он же дебютировал в качестве режиссёра фильма.

Исполнитель главной роли и режиссёр фильма Константин Хабенский

Лагерь смерти отличаются от обычных концлагерей тем, что они были созданы специально для уничтожения людей. Для «окончательного решения еврейского вопроса» к лагерю подъезжали поезда из разных стран Европы, пассажиров выгружали, отделяли мужчин от женщин, заводили голых в «баню» и запускали туда угарный газ. Уничтожено в Собиборе более 250 тысяч человек.

Рачительные нацисты не только убивали несчастных, но грабили их и утилизировали тела – в лагере был постоянный состав работников, тоже евреев, которые занимались сортировкой изъятых ценностей, трудились в мастерских, занимались строительством и другими хозяйственными работами. Они знали, что тоже обречены, но бежать боялись. Если кому-то и удавалось вырваться из лагеря, то в конце концов беглецов выдавали местные жители-поляки, что в фильме, к сожалению, не прозвучало, как и то, что вместе с немцами охраняли лагерь украинские каратели. Осуждённый несколько лет назад в Мюнхене Иван Демьянюк один из них. В советское время о преступлениях украинских и польских нацистов старались не вспоминать, чтобы не огорчать братские народы соцлагеря, а сейчас-то что заставляет утаивать правду?

Но вернёмся к фильму. Тема крайне тяжёлая, представлена «работой» лагеря правдиво, актёрами сыграны роли (и палачей, и жертв) убедительно, сразу погружаешься в атмосферу лагеря смерти. Видеть приехавших обычным поездом молодых красивых людей (и не молодых, и не красивых), иногда даже весёлых, не подозревающих, что их ждёт, физически больно. Во избежание паники немцы создавали атмосферу доброжелательности, на полустанке играл оркестр, будущим жертвам улыбались. В начале фильма нельзя было не обратить внимания на красотку Ханну, которую сыграла знакомая зрителям по главной роли в фильме «Матильда»

Феликс Янкель в роли Люки

да» Михалина Ольшанска. Ханна – прелестная, беззаботная, несколько даже надменная кокетка, а через несколько минут мы видим, как в «бане» её, голую, отравленную, рвёт кровью. Ужас.

Больно также было понимать, что у заключённых нет ни воли к сопротивлению, ни веры в то, что можно бежать из лагеря. Все знали: любая попытка окончится не только казнью смельчаков, но и расстрелом каждого десятого из тех, кто остался в лагере. Сцены децимаций, конечно, потрясают даже тех, кто много знает о лагере смерти. Тех, кто читал «Бабий Яр» Анатолия Кузнецова, видел шолоховскую «Судьбу человека» в постановке Сергея Бондарчука, «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма... У сегодняшней аудитории (12+) такой антифашистской прививки нет, она мало или ничего не знает о Саласпиле, Освенциме, Майданеке и других лагерях смерти, многие сцены фильма для молодёжи будут не только потрясением, но и открытием.

Не все из населяющих лагерь покорно ждали конца.

Несколько советских военнопленных, переведённых в Собибор из минского концлагеря, готовили восстание, «старожилы» не верили в его успех и жестоко избивали инициатора побега Александра Печерского и его товарищей. Да, парадокс, одни заговорщики избивали других, тех, кто говорил, что надо готовить восстание – тогда будет хоть какой-то шанс на спасение. Но как только стало известно, что лагерь подлежит ликвидации (Красная армия приближалась к Польше), план Печерского был принят, однако возникла другая проблема. Никто не хотел убивать. Не мог, не умел. А предполагалось заманивать поодиночке немцев в пошивочную мастерскую якобы для примерки кожаного пальто и... Надо преодолеть себя, найти в себе силы и сделать то, что они никогда не делали, – убить человека. Эти мучи преодоления замечательно переданы всеми актёрами. Особенно хорош юный Шломо в исполнении Ивана Злобина. Также надо отметить исполнителей ролей заключённых Сергея Година, Романа Агеева, литовского актёра Дайниса Казлаускаса

и грузинского – Гелу Месхи, хорошо сыграны и роли нацистов, создатели фильма попытались заглянуть в их души поглубже – они всё же тоже люди, хотя...

Начальника лагеря играет знаменитый «горец» Кристофер Ламберт. Мне кажется, что с ним создатели перемудрили, пытаюсь как-то объяснить, если не оправдать поступки зверя. Зачем сцена, где он рассказывает красавице Сельме (отличная работа Марии Кожениковой), что он был влюблён в еврейку, но отец запретил ему на ней жениться? Зачем нам разбирать в его сексуальных отклонениях? Отсылки к «Ночному портье» уведат в сторону. Зачем было придумывать ему на день рождения какие-то дельные фийские игры с гонками эсэсовцев как бы на колесницах, где в качестве лошадей используют заключённых? Это образ древности или вневременности зла? Правда Собибора ужаснее любовью античной выдумки. Мы уже погрузились в атмосферу подлинности, а этот «колизей» сразу и неронами только мешал.

Конечно, расправа над мучителями и то, что люди вырвались, наконец, из лагеря воспринималась с огромным воодушевлением! Не совсем понятно только, почему в самом финале создатели сконцентрировали внимание не на Печерском, который с товарищами сумел пробиться к белорусским партизанам и продолжил воевать в Красной армии, а на бегущем, как Форрест Гамп, Шломо. Из титров мы узнали, что он после войны оказался в Бразилии и там он якобы искал и убивал скрывающихся нацистских преступников (предположительно – 18!). То есть в финале отчётливо прозвучала тема мести, но не рассказано, что стало после побега с восставшими. А это

важно! Из примерно четырёхсот заключённых, участвовавших в восстании, при побеге погибло около восьмидесяти, а до конца войны дожило лишь пятьдесят. Остальных (примерно триста!), вырвавшихся из лагеря живыми, кого не поймали гитлеровцы, убивали или выдавали немцам местные жители – антисемитизм в Польше был очень распространён. Ужас в том, что Гитлера и его членоконевинистическую политику поддерживала большая часть населения Европы. Но создателям показалась важнее в финале точка персональной мести.

Тем не менее фильм сильный, показывать его надо, особенно подросткам. И не только в России, а хорошо бы и в тех странах, где сейчас чувствуют ветеранов СС. Дебют Хабенского как режиссёра можно признать, в общем, удачным. Но желаемого успеха в прокате нет. Почему? Не потому что обидены острые политические углы. Мне кажется, не до конца использован другой важный ресурс. К сожалению, лишь намечена любовная линия Печерского и прекрасной девушки из Минска Люки. Героиня нежная и трепетная, как Офелия, – шведская актриса Феликс Янкель замечательно тонко на контрапункте с кровавым ужасом децимаций ведёт линию смирения – до последнего умоляет возлюбленного отказаться от планов восстания, не рисковать своей жизнью и жизнью других людей. Но погибла она, а не он... Если бы сценаристы Александр Адабашян, Андрей Назаров и Анна Чернакова сделали эту линию стержневой, если бы также главным героем по возрасту более соответствовал прототипу (Печерскому было всего тридцать с небольшим, исполнитель выглядит гораздо старше, к тому же каким-то обречённым), то у фильма было бы больше шансов привлечь молодёжную аудиторию.

В заключение хочется напомнить, что давно ждёт экранизации другая фантастическая история, о которой непонятно почему не снят могучий блокбастер до сих пор. История не менее героическая – эпическая. О человеке, призванном в Израиле «праведником народов мира», о «русском Моисее» – политруке Николае Киселёве. Он несколько месяцев вёл евреев из оккупированного белорусского местечка Долгиново по лесам Белорусии и Брянщины и вывел-тавать в Красной армии, а на бегущем, как Форрест Гамп, Шломо. Из титров мы узнали, что он после войны оказался в Бразилии и там он якобы искал и убивал скрывающихся нацистских преступников (предположительно – 18!). То есть в финале отчётливо прозвучала тема мести, но не рассказано, что стало после побега с восставшими. А это

важно! Из примерно четырёхсот заключённых, участвовавших в восстании, при побеге погибло около восьмидесяти, а до конца войны дожило лишь пятьдесят. Остальных (примерно триста!), вырвавшихся из лагеря живыми, кого не поймали гитлеровцы, убивали или выдавали немцам местные жители – антисемитизм в Польше был очень распространён. Ужас в том, что Гитлера и его членоконевинистическую политику поддерживала большая часть населения Европы. Но создателям показалась важнее в финале точка персональной мести.

Александр Кондрашов

Россошанский синдром,

или Почему краевед полюбил оккупантов

Накануне Дня Победы в Россоши открыли мемориальную плиту в память погибших в годы войны. Выступивший на митинге краевед Алим Морозов назвал это событие «важным вкладом в окончание Великой Отечественной войны», однако многие россошане считают, что самым важным вкладом был бы перенос из центра города памятника альпийским стрелкам, которые оккупировали тогда город («Покаяние или реваншизм?», «ЛГ», № 32–33, 2017 г.; «Ах, как хочется историю переплести», «ЛГ», № 38, 2017 г.).

Не добившись от властей переноса монумента, который в народе называют «памятник неизвестному фашисту», россошане привезли в редакцию несколько книг почитного жителя города Алима Морозова, в какой-то мере объ-

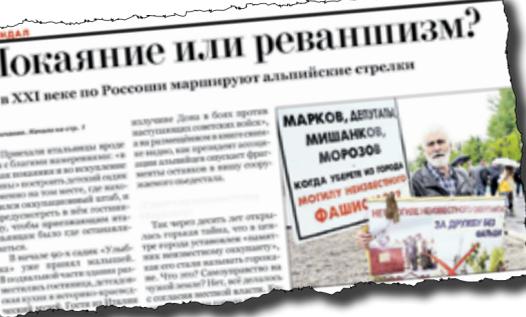
ясняющих странную теплоту к оккупантам. Он – директор краеведческого музея, один из залов которого полностью посвящён альпийским стрелкам. Именно так уважительно он чаще всего называет итальянцев и в книгах, а вот их союзников – немцев – исключительно фашистами. Хотя историк Морозов должен был бы знать, что слово «фашист» родилось именно в Италии, и фашистами были как раз итальянцы.

Впрочем, не будем придираться к терминам, это мелочи. Интересно, что он рассказывал школьникам, приходящим в музей? Если то же, что написано в его книгах, то понятно почему, став взрослыми, дети приходят в день свадьбы к папанику погибшим здесь итальянцам и фотографируются на фоне альпийской шляпы с пером.

Итак, какими же, с точки зрения историка, были оккупанты: «итальянцы испытывали бы-

товые неудобства... чем-то напоминали туристов, с любопытством изучающих новое место... они ругали войну, Муссолини, Гитлера и Сталина (за то, что не сдался без боя? – Ред.)... живо интересовались простой, не отличавшейся материальным достатком жизнью крестьян придонских сёл... после разгрома немецких войск под Сталинградом почувствовали, что служба на чужбине им опостылела». В общем, милые такие туристы, разочаровавшиеся в своём обещавшемся триумфальном походе.

Одна из книг полностью посвящена пребыванию итальянцев в Россоши. В предисловии, написанном Марио Ринго-ни Стерном, рассказывается история самого Алима Морозова, «не по своей воле оставшегося с матерью в Россоши», об установившихся между местным населением и альпийцами

дружеских отношениях, об ужасе, который охватил мальчика, когда русские танки ворвались в Россошь и началось отступление итальянских частей.

Прочтя это, я решила, что любовь Морозова к оккупантам – это некая разновидность «стокгольмского синдрома», но расположенные в конце книги отчёты о получении итальянски премии, рассказ о многочисленных путешествиях автора по Апеннинскому полуострову, копии писем итальянским партнёрам с сожалениями

по поводу отсутствия туристов в Россоши заставили засомневаться в диагнозе. Может быть, отнюдь не «стокгольмский синдром», а страсть к путешествиям и бизнес на туристах – причина любви?

Памятник альпийским стрелкам краевед называет актом примирения. Получается, итальянцы с нами примирились. Но, на мой взгляд, примириться можем только мы. А они могут только показаться.

Людмила Мазурова

НЕДОУМЕВАЮ, ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ

Как вырубить пером то, что написано топором

Про Курскую битву в Калининградской области

Дорогая полиграфия, претенциозный дизайн, точный маркетинговый ход, желательно на тему патриотизма, под который достаются солидные инвестиции – и книга слежена. Некоторые издатели даже не подозревают, что у книги есть душа и nepозволительно в роскошном фоліанте допускать глупые ошибки и опечатки.

Мне довелось познакомиться с одним из таких «солидных» изданий в Российской государственной библиотеке. Книга под названием «Великая Россия. Все города от Калининграда до Владивостока» издательства «Эксмо» повела не только о городах и весях, но и о проблеме безответственного отношения к читателю.

Подарочное издание в нарядной обложке с золотыми буквами и ярко-красными затейливыми узорами, и я подумала: «Ах, какая хорошая концепция справочника – внутренний туризм, любовь к Родине! Оформлено со вкусом. А ну-ка посмотрим, как же там представлен мой родной Курск?» И тут, на странице 93, меня настиг культурный шок! Подзаголовок гласил, что город Курск находится в... Калининградской области.

Старинный русский город, которому скоро уж тысячу лет исполнится, о котором упоминается в хрестоматийном шедере «Слово о полку Игореве», удостоился лишь досадной географической путаницы и невнятного текста о Курской битве. На фотографии, сопровождающей текст, представлен не самый лучший городской памятник, воздвигнутый в 90-е годы – Триумфальная арка в честь победы на Курской дуге. Хоть бы для разнообразия поместили фотографию красивейшего храма, считавшегося в Росий-

Чудо, а не книга

ской империи одним из самых крупных духовных центров.

Помимо перечня городов с невнятными описаниями, в книге выделена рубрика «Города Воинской славы». Идея-то правильная, только на странице, посвящённой моему городу, нет слов о том, что Курская битва была самым крупным и кровопролитным танковым сражением в истории мировых войн. После битвы на Прохоровском поле земля пропиталась кровью так, что в течение трёх лет из колодезь шла вода бурого цвета... Из-за экологической катастрофы по решению санэпиднадзора людей из окрестных спалённых деревень переселяли на плодородные земли в Крым, в прекрасное село, расположенное в восточной части полуострова. Назвали это крымское село «Курское». Табличку можно увидеть и сегодня, проезжая по трассе «Симферополь–Феодосия». География всегда переключается с историей.

Но скудный рассказ о судьбе города вызвал моё возмущение не только сухим и путанным изложением Курской битвы, но и лексикой, и тем смещением смысла, которое встречается и в учебниках из лихих 90-х годов, написанных на деньги западных спонсоров. Факты и даты указаны правильно, но одно дело читать про Курскую битву, как про переломный момент в ходе всей Второй мировой войны, и совсем другое – как «известное сражение», в котором «первый шаг сделала немецкая армия...». Что называется, почувствуйте разницу!

Конечно, чтобы составить авторский текст – и краткий, и ёмкий – надо иметь не только крутзор и чутьё, надо самому испытывать искренний интерес к истории страны, стать исследователем. Думаю, что автор Павел Лурье совершенно не ставил задачи представить читателю пусть краткую, но грамотную, интересную информацию. Наш древний город-богатый, отражавший набеги кочевников, воевавший то с Литвой, то с Татарской Ордой, освятивший юг России святым местом – монастырём, названным Коренная пустынь, представлен так неинтересно, что вряд ли читатель поспешит купить билет для путешествия по Соловьиному краю. Кстати, где он находится? Неужели на Балтике?

Но вот читая дальше, как представлен другой город нашей страны. «Крон-

штадт, Санкт-Петербург». Что за нелепица в заголовке? Город находится в Ленинградской области или считается одним из районов Северной столицы? Получив новый ребус, с досадой захлопнула красивую книгу и заглянула в другой справочник, скромный, но в котором на грамотном русском языке было внятно написано, что Кронштадт – самостоятельный город в черте Санкт-Петербурга, такой, как, например, Колпино или Павловск.

И зачем надо было выпускать справочник, к которому в дополнение нужен другой справочник? Дальше я листать уже не стала, а сфотографировала «ляпы», которые затем, как завская Баба-яга, выложила в ехидными комментариями на своей страничке в соцсети. Каково же было моё изумление, когда в обсуждениях на полном серьёзе появилось мнение, что, может быть, не стоит возмущаться, вдруг на просторах нашей необъятной Родины есть и другой город Курск...

Увы, многие читатели не знают свою страну, родную историю и вовсе не интересуются географией. И, к сожалению, не только читатели. Неужели заголовок про Курскую битву в Калининградской области не резал глаз никому из специалистов, участвовавших в выпуске книги?

Как же теперь вырубить пером то, что написано топором?

Ирина Кумова,
Курск

P.S. Кстати, книга активно продается во многих интернет-магазинах и сегодня. Цена колеблется в пределах от 1300 до 1900 рублей. Обидно получить за такие совсем не маленькие деньги справочник с путаницей и географической, и исторической.

Не все самолёты возвращаются

Но герои-лётчики остаются в наших сердцах навсегда

Герой России и его отец у самолёта, названного именем сына

«В меня попали. Хорошо попали! Правый горит! Голос ровный, спокойный, короткое молчание и приказ ведомому: «Уходи в облака!» «Уходи в облака!» — это приказ командира взмыть выше, чтобы не быть подбитым откуда-то взвизывая здесь переносным зенитно-ракетным комплексом.

Непокорный русский

Штурмовик «Су-25» полыхал пламенем, особенно его правая, подбитая часть. Самолёт развалился. Пилот майор Роман Николаевич Филипов нажал кнопку катапульти. Видел, что на земле спасения не будет; но произвольно хотел в последние секунды почувствовать землю, как если бы она была воронежская — его детства. Он видел фигуры, вскинувшие автоматы («калашниковские, — подумал, — наши, да не в наших руках»); и верно, под парашют бежали явно не его товарищи — подбегали те, кто не щадил ни военных, ни мирных, ни старых, ни малых...

Через несколько мгновений он упал на каменистую землю Сирии.

Солнечная Сирия, страна античной Пальмиры, страна раннего христианства, страна арамейского языка, на котором проповедовал Спаситель! Ты была жемчужиной Средиземноморья, твои оазисы и пустыни обжигали разные племена, разные религии, на твоих землях поднимались античные храмы, синагоги, церкви и мечети, по весне светлым дымом застилались твои виноградники, твои сады исходили периковыми и лимонными ароматами, тебе цветисты бы да цветист!

У него был боекомплект не для затяжного боя, несколько десятков пуль, и он бегом стрелял по набегавшим, пока его не ранило. А когда те были в нескольких шагах, выдернул чеку. Вечером мир узнал, что 3 февраля 2018 года в Сирии погиб ещё один отважный русский лётчик.

Вскоре заседала городская комиссия по историко-культурному наследию Воронежца, и первым пунктом стоял вопрос об увековечении памяти лётчика. «А чего мы спешим? Ему ещё и Героя не дали» — опередил других учёный-краевед. Тут же последовало ответное — беспорядочное: тридцатитрёхлетний погибший

лётчик не перестает быть героем от того, что ему звание Героя ещё не присвоили. По справедливости надо назвать его именем не только школу, в которой он учился, но и улицу, и близкий сквер, и загородную лыжню, на которой он часто побеждал.

Вернувшись после заседания комиссии из центра города на его северную окраину, я свернул к школе № 85, в которой прошли учебные годы Романа, приник к прутьям железной ограды, глядя в окна третьего этажа, где в актовом зале прежде выступал перед старшеклассниками не раз. Рассказывал о разных исторических событиях, но тематически характер выступлений был повторяем — «о подвигах, о доблестях, о славе». А на одной из встреч, посвящённой освобождению Воронежа от войск вермахта, увидел несколько совсем детских головок.

Особенно запомнился один, милый, с забавным чубчиком, сидевший в первом ряду и с любопытством вслушивающийся в каждое слово. Среди прочего рассказал я и о родственнике моей жены, лётчике Викторе Калинин, уроженце воронежского села, который в одном из боёв на Курской дуге был подбит, но смог приземлиться. Когда враги уже мчались к горевшему штурмовику, рядом с ним приземлился наш истребитель и раненого командира эскадрильи отчаянный пилот перетащил в свой «ястребок», который под густым смерчем пуль взял разбег и взлетел. Тогда судьба к нашему родственнику-лётчику была благосклонна, но вскоре он погиб в небе близ Киева. Увы, не все самолёты возвращаются...

Переключка поколений

Гроб с телом лётчика Филипова отправляли из Москвы на малую родину. В Воронеж печальный самолёт должен был прибыть в одиннадцать утра. Заранее выйдя из дома, я направился в «Роспу Сердце», — именно так она именовалась на военных картах. Покатая горка с крепкими дубами и вязами, от корней до крошечных израненными при обороне Воронежца, и первым пунктом стоял вопрос об увековечении памяти лётчика. «А чего мы спешим? Ему ещё и Героя не дали» — опередил других учёный-краевед. Тут же последовало ответное — беспорядочное: тридцатитрёхлетний погибший

“
Как мало их выжило,
и сколько их шло
на таран, горело
в машинах воздушных
при ударе о родные
и чужие холмы.”

Прощание с ним должно было состояться в военном городке, в приспособленном под офицерский клуб культурно-развлекательном центре «Северный». Не могло не отозваться режью в сердце столь неуместное в такой день слово «развлекательный», но, верно, не красными стенами значим дом, а его наполняющими людьми. Воронеж сильно замело, но люди стоят — час, другой.

Мой старший сын — тоже из военной авиационной сферы. Служивший в Сибири, летавший в Таджикистан и на иные грозные границы бывшего Союза, написавший гимн авиационного полка... Он тоже ушёл молодым. И, может, ещё и от тоски по сыну, за годы попригасшей, а в этот день гнетуще о себе заявившей, было так тяжело, что я, зайдя после прощания с Романом домой передохнуть, будто ремнями опутанный, долго не мог подняться. Но потом всё-таки пересилил своё недомогание и встал, чтобы уже на кладбище отдать ему ещё один поклон.

Главное городское кладбище, со странным названием: Коминтерновское... Коминтерн успешных поколений. На прикладбищенской пяди — снова масса людей. И снова слал я мысленное спасибо воронежцам, этим дедушкам и бабушкам, этим рядовым учителям, врачам, этим молодым парням и девушкам. Промозглым февральским днём, подчас легко одетые, они встали — кто полдня, а кто — и весь день.

После отпевания в храме в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших» траурный кортеж двинулся по главной аллее. У площадки погибшим военным лётчикам большая часть людского потока была приостанов-

на курсантской заградительной шеренгой — к могиле допускались только родственники и военные. Прозвучал гимн страны, прогремели залпы прощального воинского салюта, колонны военных прошли скорбно-торжественным маршем с поднятыми в наклон знамёнами. Раздались потрясающие звуки «Прощания славянки», заградительная шеренга военных раздвинулась, и к могиле потянулись земляки Романа.

Час миновал, а на могильный холмик ложились всё новые и новые гвоздики... Стало темнеть, а я всё никак не могу уйти. На Аллее Славы — могила моего отца, за штурм имперской рейсканцелярии представленного к званию Героя Советского Союза. Теперь в сотне метров от отцовской могилы упокоился в родной земле лётчик — Герой России, который ровно на семьдесят лет моложе моего отца. Оба они в разные времена сражались «ради жизни на земле».

В этом медленном (одновременно тягостном и умиротворяющем) хождении в сердцевины кладбища мне вспоминались встречи с лётчиками, защищавшими небо в годы Великой Отечественной войны. Они рассказывали, как мало их выжило, и сколько их шло на таран, горело в подбитых воздушных машинах, разбивалось при ударе о родные и чужие холмы.

Мысленному взору предстал штурмовик «Ил-2» на постаменте близ проходной Воронежского авиационного завода, где я работал корреспондентом малотиражским; вспоминались отцовские встречи с лётчиком-асом, трижды Героем Советского Союза Иваном Кожедубом, с которым они сражались под Одессой и Яссами; припомнились и мои встречи с «авиационными» маршалами в монументальном здании Министерства обороны на Фрунзенской набережной, когда участвовал в создании книги о Второй воздушной армии, начинавшей свой ратный путь над Воронежем.

Души, как белые птицы

А ещё схватила меня давней тоской беда сорок второго в селе Семилуки... Подбитый штурмовик, беспомощный советский лётчик на огороде русской крестьянки, которая вместе с матерью и детьми оттащила его от горящего самолёта, затем в избе дала переодеться в мужнину одежду и указала как по

Поруганная история

Как из освободителей делают оккупантов

Как сообщило информационное агентство Eurasia Daily (EADaily), латвийское Бюро по защите конституции (контрразведка), отчитываясь о проделанной работе, углядело в действиях Кремля попытку «подорвать доверие общества к государству, подчёркивая этнические, лингвистические различия и разницу в восприятии истории». Что же мы натворили в этот раз? Рассекретили архивные документы, подчёркивающие вклад «СССР, советского народа и Красной Армии в сокрушение нацизма, что обеспечило победу антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, а также в борьбе с нацизмом и его пособниками». А разве до рассекречивания документов кто-то в этом сомневался?

Факел фальсификаций в Прибалтике не затухает. День освобождения Таллина от немецко-фашистских захватчиков (22 сентября 1944 года) там переименовали в День сопротивления (советским войскам) и даже в День траура. Потом перенесли «Бронзового солдата», буквально четвертовали памятник, а позже вместо таблички «воин-освободитель» навесили клеймо «воина-оккупанта».

Эхо «советской оккупации» не смолкает и в других прибалтийских республиках, где не прекращаются гонения на бывших советских военнослужащих и маршируют бывшие солдаты эсэсовских войск. Латвия так вообще решила запретить преподавание в школах «языка оккупантов» — русского. Что это: беспамятство или грязная конъюнктурная политика?

Хочу кое о чём напомнить любителям пересмотра истории. Вовсе не ради них самих, а ради молодого поколения, которое должно знать правду. В годы Великой Отечественной войны я воевал в Латвии, об этом я расскажу позднее, но прежде хотел бы представить читателям другого ветерана боёв в Прибалтике, с которым познакомился несколько лет назад. Это Герой Советского Союза, участник парада Победы на Красной площади, генерал-майор Виктор Осипович Суханов. Коротко представившись (капитан из «Рижского» полка), прошу его поделить воспоминаниями.

А про себя думаю: «Если бы у него нашлись фотографии тех дней, у меня-то, пехотинца, ничего не сохранилось...» И вдруг слышу:

— У меня, помимо воспоминаний, остались ещё и вещественные, документальные свидетельства тех событий. Я воевал в составе 225-й штурмовой авиационной «Рижской» дивизии. А спустя 40 лет после освобождения Риги нас, группу ветеранов, воевавших в Латвии, пригласили туда для участия в торжествах и вручения медалей «40 лет освобождения Риги».

Потом Виктор Осипович показал вырезку из газеты «Советская Латвия» от 25 мая 1984 года: статья «Встретились друзья-однополчане» и фото увешанных наградами ветеранов, среди которых и мой собеседник. В тексте такие слова: «25 лётчиков дивизии стали Героями Советского Союза. 22 из них получили это высокое звание в боях за освобождение (заметьте, освобождение. — Е.Е.) Советской Латвии».

Виктор Осипович вспоминает, как ему приходилось выступать на многочисленных встречах с благодарны-

ми жителями Риги, в том числе на заводе ВЭФ и в школах. Общался Суханов и с жителями Каунаса (Литва), куда после войны перебазировалось его подразделение. И там у жителей было такое же настроение: с Советской армией к ним пришло освобождение.

А теперь моя история. Я служил в разных подразделениях, а после второго ранения и госпитализации — в полку 1244, которому за освобождение латвийской столицы было присвоено звание «Рижского». В свете нынешних политических событий в Прибалтике вспоминается чаще всего вот что. Тогда мы обращались к местным жителям на их родном языке, потому что нам перевод вступлением в Латвию раздала русско-латвийские разговорники, и я до сих пор помню наиболее употребительные фразы (это тоже вещественное свидетельство прошлого, помимо осколков в теле). Не нужно мне и особенно напрягать память; у меня остались дневниковые записки тех лет. Вот фрагмент из них:

«Преследуя немцев, вплотную подошли к восточной границе Латвии. Никто не выходит нам навстречу. У одного хутора нас обстреляли. Мы начали искать — никого не нашли, кроме старухи и одичавшего пса. — Вай юе сапротат кризевичи? — спрашиваем («Вы понимаете по-русски?»).

— Но сапрот, но сапрот... («Не понимаю, не понимаю...»)

Молва о том, что русские не только «режут», но и не трогают чужого добра, дошла, видно, до латышей, спрятавшихся в лесах. Они стали возвращаться в свои дома — сначала после нашего ухода, а потом тотчас, едва хутора освободились от немцев. Люди встречали нас на дорогах, угощая молоко, салом. Но молодёжи было мало — немцы унесли её с собой.

— Свейки! Свейки!
— До свидания! Спасибо за хлеб-соль! Мы — в числе тех, кто нацелился на латвийскую столицу, на ходу меняем ещё один полк.

...При взятии столицы наших артиллеристов почти не допустили до «дела» — прекрасная Рига совершенно не разрушена. Латыши очень благо-

дарны советским воинам за такую гуманность. Они не забывают своих освободителей — на 1 мая прислали подарки. Чего тут только не было: сыр, колбаса, печенье, папиросы, водка — «особая московская» с рижской этикеткой!»

Красная армия принесла не только освобождение народам трёх прибалтийских республик: в Курляндии оказалась оккупированной значительная часть немецкой группы «Север». Впоследствии Гитлеру очень не хватало этих дивизий для защиты самой Германии.

Можно было бы привести цифры потери противника в живой силе и технике, но я приведу данные о той цене, которую заплатила наша страна ради освобождения Прибалтики и которую следует помнить нынешним властям Эстонии, Латвии и Литвы, искажающим историю войны. Эти данные известны, я воспользуюсь энциклопедическими справочниками по истории Великой Отечественной войны:

«В ходе Прибалтийской стратегической операции... безвозвратные потери Красной армии с 14 сентября по 24 ноября 1944 года составили 61 468 человек».

Но цена освобождения Прибалтики не ограничивается только потерями воинов Красной армии — на победу работала весь советский народ в тылу.

Евгений Ельшов, участник Великой Отечественной войны

Встреча с местным населением в освобождённой Риге

Товарняки шли напроход

Рассказ

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Иван Леонтьев

Родился в 1927 году в деревне Надручей Холмогорского района Архангельской области. Во время Великой Отечественной войны окончил эвакуированный в Сибирь техникум точной механики и оптики, а также курс Ленинградского инженерно-строительного института. В 1964–1966 годах учился в Литературном институте им. А.М. Горького. Автор нескольких книг прозы. Заслужил благодарность губернатора Санкт-Петербурга за выдающийся вклад в развитие литературы (2011). Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры (2012), дипломант Всероссийской литературной премии им. А.К. Толстого.

Во время Отечественной войны много ребят из блокадного Ленинграда учились в Ленинградском техникуме точной механики и оптики.

Мы дружили вчетвером: Ваня, Витька, Радик и я. Ванна мать, военврач Ленинградского фронта, отправляя сына в эвакуацию, дала ему адрес своей дальней родственницы. Звали её тётя Дуся.

Летом сорок третьего, после осовахи-мовского лагеря, мы помогли ей заготовить сена для коровы. За это она выделила каждому по восемь ведёр картошки. Зимой сорок третьего–сорок четвёртого мы ездили к ней два раза в месяц.

Товарняки через нашу станцию почти всегда шли, не останавливаясь – напроход. Мы узнавали, по какому пути пойдёт состав, становились на небольшое расстояние друг от друга – и ждали, готовясь к прыжку.

Витька очень зазнавался, потому что его отец был какой-то важной шишкой. Радик выделялся своей комсоставской шинелью и красным командирским ремнём. Досталась она ему случайно. По дороге в Сибирь он неожиданно встретил на полустанке своего старшего брата: Радик доваривал кашу, которую не успел сварить на предыдущей станции, а брат от воинского эшелона подошёл к костерку, увидев состав, следующую в эвакуацию.

Уходя к своему трогающемуся поезду, брат ещё раз внимательно посмотрел в лицо, закончившего сажел мальчишки, и обмер: узнал! А воинский состав уже тронулся. Брат сбросил с плеч Радиду новую шинель, красный командирский ремешок и побежал, оглядываясь и выкрикивая номер части. Радик семенит за ним, с трудом поднимая ослабевшие ноги через рельсы, и перед носом у себя махал ему вялой рукой. Брат заскочил в вагон, выкинул вещмешок с продуктами и стоял на подножке, пока состав не повернул на стрелке.

...Длинный паровозный гудок был для нас сигналом, что товаряки идут напроход. В момент приближения поезда я всегда волновался. Прыгающий первым должен был успеть освободить ступеньки тормозной площадки, прежде чем пультман или угляряк подойдёт к следующему. Мощный паровозный прожектор заливал ярким светом свободный путь между двумя составами, и товаряки влетал в это пространство, создавая воздушную волну. Приходилось чуть отступать и отворачиваться от ослепительного света. Паровоз пролетал, окутывая паром и оглушая грохотом и шипением, за ним с лягом и скрежетом мелькали пустые полувагоны. Покачиваясь от сильной воздушной волны, я с напряжением гляделся, стараясь не прозевать тормозную площадку.

Завидев высокую подножку, я медленно приближался к грохочущему составу и, пригибаясь, делал несколько шагов по ходу, готовясь к прыжку. Поравнявшись с подножкой, прыгали с вытянутыми руками, не спуская глаз с поручней. Схватившись за железные прутья, я чувствовал, как меня ударяло об вагон; напрягая все силы, подтгивался, выпучивал свой пустой живот, наваливался им на ступеньку, поднимал одно колено, другое, вставал на ноги и за скакивал на площадку. Вторым прыгал Француз, так мы называли Витьку за его хронический насморк и рыжеватые усыки. За ним цеплялся Радик, и последним залезал Ваня.

Иногда, в силу каких-либо обстоятельств, каждый садился на отдельную площадку. Но и тогда Француз прыгал вторым или третьим. Радик никогда не выгадывал, а где станет до подхода товарника, там и стоит; а Ваня всегда садился последним.

Забравшись в углярку, мы закуривали, бодрились друг перед другом, шутили, а когда мороз начинал пробирать, грелись, отбивая чётчку. Ветер кружил в полувагоне, поднимал снег вместе сугальной пылью и паровозной копотью, забивая нам глаза и уши.

Когда порожняк стоял на станциях, мы дрожали от холода, но не двигались, чтобы не выдать себя. Вдоль состава ходили осмотрички вагонов, постукивая молоточками по буксам, да изредка звенела подковками сапог железнодорожной милиция, скривля по утрамбованному чёрному снегу.

От ледянистого трескучего мороза стучал зубами Француз, громко хрипел застуженными бронхами Радик, медленно переступал оковчешными ногами Ваня и смотрел на всех виноватыми глазами. Особенно сильно мёрзали ноги. Было такое ощущение, словно стоим босиком на льду.

Теть Дуся, добрейшая душа, встречала нас ангелом-хранителем: «Ох! Господи-и! Да на кого же вы похожи?» И тут же грела воду, заставляла нас мыться в деревянном корыте. Помывшись и обогрелись, мы садились всё, что она выставляла на стол, брали по ведру картошки, закрывая её в мешке объедками, чтобы не замёрзла, и отправлялись в обратный путь.

С мешками за плечами на ходу поезд садиться было тяжело, поэтому мы уходили на запасные пути, где стояли товарняки, залезали на платформы, предвительно узнав, какой состав пойдёт первым, и прятались среди грузов.

На станциях милиция устраивала облавы. Задержание всегда грозило штрафом и неприятностями: пока отсутствт – намытариться. Поэтому на обратном пути, как всегда, – не доезжая до semaфора, мы прыгали на ходу поезда в снег. Перед

прыжком ту же подпоясывались, завязывали ушанки, заправляли штаны в носки, рукавицы в рукава телогреек и, была не была! Идти приходилось далеко, зато не сидели в милиции.

На практику нас повезли на военный завод и поселили в землянках, где раньше жили стройбатовцы. Землянки напоминали длинные бутры. В начале и в конце каждого бутра торчала труба. Внутри землянки были двухэтажные нары с обеих сторон прохода. Посёлок так и называли: Бутры.

Утром нам рано приходилось вставать. Морозы тогда стояли особенно сильные. Двери бараков противно скрипели, народ всоуду беспрестанно кашлял, заводской хор гудков нудно и долго выл, нагоняя на всех уныние...

Люди стекались из бараков на одну дорогу, сутулясь и поёживаясь от холода, и двигались общим серым потоком к подножии заводских дымящихся труб, сопровождаемые неприятно звенящим скрипом грязного снега. Тучи заводского дыма расплзались по небу, потом прижались к земле и смешивались с изморозью.

Рабочие в цехе встретили нас враждебно.

На заводе был установлен порядок: норму не выполнил – через проходную не выйдешь. Людям иногда приходилось жить в цехах неделями. Многих потом отправляли на фронт. Вскоре мы научились работать на станках, стали сдавать изготовленные детали на имя своих учителей, и отношения наладились.

В центре огромного цеха стояла небольшая кабина на возвышении, куда за час до обеда приходила кассир, вырезала из наших карточек «крупу», «жиры», «мясо» и, получив деньги, выдавала жетоны. Рядом на колонне висела чёрная тарелка – репродуктор, рабочие, задрвав головы, внимательно слушали сводки Совинформбюро.

С практиками мы вернулись с чувством причастности к фронту. Комната десять на десять метров оказалась дворцом после землянки, но холодина здесь была особенная, потому что командант выдавал на сутки всего ведро угля. Едва за тапливали печь, как все спешили поставить свои котелки на самое жаркое место, и из-за этого завязывались ссоры, чуть не до драк.

Самое интересное начиналось, когда котелки снимали с плиты – это было время ужина. Появлялась возможность съесть своё и попробовать – попробовать у других.

Почти у всех была картошка, редко кто варил пшено. В картошку каждый что-нибудь добавлял: у одних это была просто картошка с солью, у других с луком, с растительным маслом, с куском мороженого молока, редко у кого с маслом; одни делали суп, другие похлёбку, третьи пюре, кто-то толок её, а у кого-то она оставалась кусками... и много других вариантов.

В чужом котелке картошка всегда была вкуснее, поэтому в комнате укоренилось сытые пробы. Начиналось это с того, что когда не было своего, то хотелось лизнуть у другого.

У нас картошка сильно сластила.

Француз быстро съedal свою горячую похлёбку, словно у него было лужёное горло, и шёл по кругу. Он вообще не церемонился, а зачерпывал полную ложку, проглатывая с жадностью и лез второй раз, если бдительный хозяин не успевал убрать котелок за спину.

Ваня аккуратно поддевал из котелка на кончике ложки, дул и понемножку слизывал, словно ел мороженое, хваля и восторгаясь вкусом сваренного. Он тщательно облизывал ложку и только тогда шёл к соседу. Делал он это с шуточками, успевая ещё к одному или двум, так как и вторая очередь котелков была уже снята с плиты.

Радик не ходил с ложкой, считая это унизительным. Он сутулился на краю топчана, накиннув на плечи командирскую шинель, и, ожидая пока сварится его ужин, пыхтя пел, играя на мандолине: «На позицию девушка проводжала бойца», «Бьётся в тесной печурке огонь», а после еды всегда наяривал свою любимую «Софушку»: «Рубль двадцать готов отдать, чтобы вновь вас увидеть, Софушка, София Павловна, София Павловна, где вы теперь?..» Пробовать подходил к нему только Француз и сульбочкой говорил: «А у тебя что сегодня?» Как будто не знал, что у Радика всегда одна картошка.

«Пробуй», – бурчал Радик и, отвернувшись, ждал, когда Француз зачерпнёт полную ложку и отойдёт.

Часа через два печка остывала, к утру вода в ведре покрывалась ледком, а ведро примерзало к доскам стола.

Спали в основном все в шапках и в шерстяных носках. Мы с Ваней – на одном топчане и накрывались, кроме одеял, ещё его матрацем. Солома в нём пахла пылью, но матрац ещё немного грел.

Обедали мы в столовой. Кормили нас скудно. Француз и Ваня сочинили стихи и вывесили у раздаточного окна:

*Когда в столовой на раздаче
Нилус работает одна,
То даст полнормы – не иначе,
И грустно скажет: «Что ж, война».*

И тут же нарисовали карикатуру на неё. Голые студенты в ожидании обеда смеялись возле раздачи. Повариха, видя, что-то заподозлив, высочила, прочитала и хотела сорвать плакат, но маленький Ваня с синевой под глазами встал перед ней и заявил: «Не имеете права».

«Раздавайте обед», – наступал Француз на повариху.

Женщина истерично закричала и побежала из столовой. Вернулась она с заместителем директора по хозяйству. Студенты наперебой доказывали заместителю, что повариха недодаёт еду, а командант – уголь. Он спокойно выслушал студентов, пообещал разобраться и ушёл. Мы долго ждали перемены, но ничего не изменилось.

В обычные дни, намёрзшись за день в аудиториях, где сидели в телогрейках и шапках, мы прибегали после занятий в общежитие и, получив уголь, растапливали печку.

Во время сессии сидеть весь день в промёрзлой комнате было невозможно. Всегда стоял один вопрос: как напоить пель?

Мы долго ходили по улицам, высматривая берёзовые дрова; уходили подальше от общежития, чтобы не так явно бросались в глаза следы нашего преступления. Стараясь смягчить свой грех, мы брали дрова там, где были большие дома и дворы, богатые по нашим меркам, а у бедных хижин не трогали даже полена.

Не найдя дров, мы ломали заборы, отдирая целые секции штакетника, отчего раздавался пронзительный скрип выдираемых гвоздей и поднимался собачий лай по всей округе. Происходило это глубокой ночью, мужиков в домах – единицы, поэтому редкие хозяева рисковали высунуться.

Раскалив печь, мы всю ночь готовились к экзаменам, а днём спали. В короткие передышки ставили «велосипеды»: у спящего осторожно раскутывали ногу, закладывая между пальцами бумагу, и, по поджигали.

Почувствовав боль, спящий судорожно сжимал пальцы и резко начинал махать в воздухе ногами, словно крутил велосипед, подкидывая одеяло, простыню, фуфайку или полушубок, смотря, чем он был накрыт, стараясь убрать причину боли, а бумага ещё сильнее разгоралась, обжигая кожу до волдырей. Всё это происходило за считанные секунды. «Велосипедист» вскакивал и диким взором шарил по комнате в поисках поджигателя. В это время в комнате стояла тишина: все корпели над конспектами и учебниками. Пострадавший долго ходил вокруг стола, высыкая обидчика. Потом он закуривал и острым взглядом пытался определить виновника.

«Велосипеды» были разные: большие, средние и маленькие. Это считалось возмездием за жадность и эгоизм. Во время экзаменов многие успевали «покататься на велосипедах» не по одному разу, за исключением Вани. На него ни у кого не поднималась рука. Больше всех катались те, кто по ночам грыз под одеялом сухари или жевал хлеб с салом, кто пробовал у других, а свой котелок с плиты снимал уже пустым, потому что делал вид, что всё ещё варит, а сам ел. Но самые большие «велосипеды» доставались Прокопу – жадному и нелюдимому парню. У него под топчаном стоял большой деревянный сундук с височным замком. Вечером он долго там копался, потом залезал под тёплое ватное одеяло и смачно жевал.

Стипендия нам всегда не хватала, хотя, кроме хлеба и столовых блюд, мы ничего не покупали.

Когда у нас с Ваней кончались деньги, мы шли к Эдику играть в карты. С городскими он играл про-крупному, а со своими как придётся. Он был немного старше нас, носил синие бostonные брюки со стрелками и белоснежные рубашки; стригся всегда «под бокс», оставляя косяю чёлку. Как ему удавалось так одеваться среди холода, грязи и завшивлённости, один Бог знает. Однажды во время сессии мы с Ваней проиграли ему немного денег и хлебные карточки на третью декаду.

Сели мы, конечно, выиграть, чтобы дотянуть до стипендии. Мы и раньше ходили к нему: съдем с трёхкой-пятьройкой, а как только выиграем рублей тридцать-сорок, так и выхлдим. Играли мы помалу: осторожноичали, пока карта не придёт. И в этот раз надеялись, что поведёт, вот повезёт... А хорошая карта так и не пришла. Поголодав так дня два-три, мы начали искать выход. И Ваню осенила идея: он достал рваную шапку, старую телогрейку, из которой ключьями лезла вата, ботинки с оторванными подметками, которые всё собирались отнести в ремонт, и мы отправлялись на станцию. У тендера паровоза Ваня переоделся, отдав мне свою одежонку, вымазался угольной копотью до неузнаваемости и, кивнув головой, скомандовал: «Айда!» Он шёл впереди, как голик, а я сзади с его шмотками, как верблюд с грузом.

На вокзале в ту пору стоял воинский эшелон. По перрону среди военных snowали мальчишки, стреляя окурки, папирсы, и женщины, обменивая самогон на обмундирование или продукты.

Ваня подошёл к группе офицеров в погонах и новеньком обмундировании, вытянул тонкую чёрную руку, подывая к ним худое грязное лицо с синими глазами, и жалостливо заныл: «Дяденьки офицеры, подайте рубль на баню». Офицеры, как по команде, полезли в карманы галифе, закрываясь новыми портупейми, подавая рубли, трёшки и даже пятёрки.

Баня, а особенно санпропускник, значили много: пока моешься, всё бельё и одежду, наннзанные на проволочное кольцо, так прожарят, что ни одна вша живой не останется; после такой обработки неделю отдыхаешь. На рубль особенно не разгуляешься, разве что хлебную карточку за два дня отоваришь или одну папироску у барыги на толчке купишь.

Спрятав деньги, Ваня шёл к другой группе офицеров, и всё повторялось сначала. Так мы ходили, пока не ушёл воинский эшелон. А потом направились на базар в надежде чем-нибудь подкрепиться.

Базар гудел на разные голоса. Прямо на снегу, подстелив какие-то подушки, сидели краснолицые инвалиды и зывали сыграть в «три карты» или «верёвочку». Из трёх карт играющий должен был найти даму пик. Манипулируя картами, инвалид выкрикивал: «Бабушка Алё-

тронулся. Я стоял, глядя, как милиционер приближается, не спуская с меня торжествующего взгляда.

В этот момент со мной что-то сделалось: я бросил под вагон свой мешок картошки и кинулся за ним рядом с проходящими колёсами, прополз под идущим вагоном и только успел выхватить мешок да убрать ногу с рельсы, как прокатилась вторая пара колёс, и увидел на другой стороне состава злое лицо милиционера.

Поднырнув ещё под несколькими составами, я наткнулся на тихо идущий, покачивающийся на стрелках, поезд Новосибирск–Ташкент. Кинув мешок на ступеньки, я ухватился за поручни.

Вечерело. Стоял сильный мороз, которого я не замечал раньше, когда убегал от милиционера. Дул холодный ветер. Чёрный дым паровоза далеко расплзался по синему небу.

на подарил мне тридцать три миллиона и не велела никому отдавать, а всё в карты проиграть!» С «верёвочкой» дело обстояло ещё проще: играющий ставил палец в брошенную верёвочку, а инвалид тянул её за оба конца; если верёвочка проскальзывала мимо пальца, значит проиграл. Хозяин верёвочки то и дело предупреждал: «Выиграешь – помолчи! Проиграешь – не кричи! Деньги наперёд – лучше горе не берёт!» Простота игры многих соблазнила. Желаящие испытать судьбу не переводились. Кончалось всё слезами. Тут же ходили гадалышки с морскими свинками, носили ящички с билетиками и приговаривали: «Пять рублей вас не устроит, а свой интерес узнаете». Зверушке давали понюхать деньги, потому она выбирала билетик и выдёргивала его зубами.

Выбравшись из базарной суеты, мы шли домой, упятая вкусные картофельные лепёшки (драники).

...Сдав последний экзамен, мы поехали к тётке Дусе за картошкой. На обратном пути, когда мы садились на платформу, нас заметила милиция. Мы прыгнули и побежали в разные стороны. Один милиционер погнался за мной. Я немного прихрамывал, поэтому показался ему, по-видимому, лёгкой добычей. Во мне всё запротестовало. Я убегал от него из последних сил, и наконец, мы оказались между двумя составами метров в тридцати друг от друга. Мне не хотелось в милицию. Я зыркал по сторонам, как загнанный зверёк, и не знал, куда деваться. А он шёл ко мне навстречу, уверенный, что поймал нарушителя, и может быть, уже рассчитывал на вознаграждение. Я даже видел на его прыщеватом лице нескрываемое злорадство.

В этот момент один из составов дёрнулся, лягнув буферами, и медленно

на первой же остановке открылась дверь, и полная молодая проводница спросила: «Штраф платить будешь?» Я взглянул на неё ласково и даже обрадовался, что на моё счастье попала симпатичная тётка, а не мырма. «Может, в вагон пустит?» – подумал я.

– Ну, что молчишь?
– У меня денег нет, тётенька, – честно признался я и улыбулся ещё сильнее, пытаясь вызвать у неё сочувствие.

– А чего тогда лезешь? – раздула ноздри проводница и резко шнула меня сапогом в грудь.

От неожиданности я упал с подножки, сильно ушибся и от обиды заплакал. А когда поезд тронулся, я ухватился за поручень другого вагона. Мне было давно известно, на какой станции где вокзал, и я заранее перелезал с одной стороны вагона на другую, чтобы не попадаться на глаза милиционерам.

Морозный ветер пробирал до костей, хлестал в лицо жёстким снегом и мелким колючим паровозным шлаком. Проскакивая разъезд, паровоз давал короткий гудок, словно вскрикивал от испуга в холодной ночи. Я уже до того замёрз, что не чувствовал пальцев рук и ног. На каждой станции я давал слово, что на следующей станции обязательно сойду и отогрюсь, но как только подъезжал к вокзалу, я передумывал и заверял себя, что ещё только один перегон и обязательно сойду. Так повторялось до тех пор, пока не оковеченел.

На предпоследней станции пришлось сойти. Как только я оторвался от поручня, ноги у меня подкосились, и я свалился с подножки. На платформе было пустынно и тихо, лишь в голове состава устало пыхтел паровоз. Из соседнего вагона вышел мужчина в длинной синей шинели. Чтобы меня ни в чём не заподозри-

ли, я начал отползать от поезда. Услышав скрип снега, я увидел перед собой кирзовые начищенные сапоги и по-счастью поднял голову. «Что с тобой?» – спросил железнодорожник. «Ничего», – пытался ответить я, а язык произносил какие-то невнятные звуки: «Ну-чо-гум-бо».

Мужчина нагнулся, заглянул мне в глаза, потом стрёб и поволок в служебное помещение вокзала.

В комнате жарко топились печь. За столом сидела дежурная, а за оскелённой перегородкой – телеграфистка.

Начальник поезда посадил меня на деревянный стационный диван и спросил у дежур: «Гусиний жир есть?» «Ой!» – ужаснулась телеграфистка и высочила в комнату. – Он же весь обмороженный!»

Дежурная принесла жир и стала мазать мне лицо. Мужчина слёрнул рукавицы и взялся натирать руки, а телеграфистка сняла мои ботинки, обмыла пальцы ног не то спиртом, не то самогоном и принялась втирать жир.

«Поезд задерживаем», – посмотрела на часы дежурная. «Ничего, нагоним, – взглянул на меня начальник поезда. – Ну, как, легче?» «Спасибо», – еле выговорил я. Телеграфистка надела носки, с трудом вихнула ноги в ботинки, втолкнула туда же шпурки; дежурная надела рукавицы; начальник нахлобучил ушанку и спросил: «Дойдётся?» «Да», – чужим голосом отозвался я и еле поднялся на ноги.

«Что ж ты в вагон не попросился?» – выговаривал мне начальник, когда сиделись в поезд. «Просился», – протянул я, но не сказал, как «меня пригласили». «Далеко ещё ехать?» – поинтересовался начальник, сидя в куле. «До следующей станции», – боязливо ответил я, глядя на спящих милиционеров. «Пей! Согреешься», – принёс начальник кипиток. От горячей кружки до нестерпимой боли заняли пальцы, и я тут же отпихнул её.

На своей станции я поклонился начальнику и, как на ходулях, пошёл в общежитие.

– Это ты, Коля? – раздался из темноты голос Радика.

– Я.
– Ваня с тобой?
– Нет. А где он? – встревожился я.

– Мы думали, вы вместе, – вспыхнула от затычки самокрутка Радика, и послышалось хриплое его дыхание.

Я подошёл к нему и закурил. Немного помолчав, он рассказал, как они добирались.

Удрав от милиционеров, они вновь встретились и наткнулись на идущий товарняк. Радик заскочил на площадку, а Француз почему-то не прыгнул и бил Ваню с толку. Сам-то потом сел, а Ване места, наверное, не уступил – тому пришлось прыгать на верхнюю площадку, на которую мы никогда не садились, потому что затгивало под вагон. А больше ему садиться было уже некуда.

Радиду вроде бы показалось, что кто-то кричал. Но Француз твердил, что ничего не слышал, и ещё доказывал, что сел быстрее обычного. Ходили они потом по составу на ходу поезда, но так ни с чем и приехали.

Я расстроился. Сердцем чувствовал: что-то тут не так...

Сняв фуфайку, я залез под одеяло и накрылся ещё Ваниным матрацем, долго дрожал и думал, что бедный Ваня мёрзнет где-нибудь сейчас один. Заснул я уже под утро, когда утихла внутренняя дрожь.

Ваня так и не приехал...

На следующий раз за картошкой поехал один Француз. Я отказался, и Радик не поехал.

Сварив по приезде картошку, Француз предложил мне попробовать. Я отвернулся, не желая иметь с ним ничего общего; а когда он подошёл к Радиду, тот загнал на мандолине с таким остервенением, что струны, казалось, вот-вот лопнут. ■

На войне я не был ветераном

***

Ты помнишь военную осень?
Стучали под нами колёса.

Густую, зелёную озимь
Ударило первым морозом.

Мальчишки – травы зеленее –
Мы встали, храбрясь и бледнея.

Мы встали, мужая сердцами,
В единой шеренге с отцами.

Мы рано пошел колоситься.
Нам в зрелом зерне повториться.

1957

Победа

Вчера, от жары багровея,
Над топью курляндских болот
Метала огонь батарей,
Полки провожая вперёд.

Без сна пушкари-работяги
Которые сутки подряд...
Сегодня на белые флаги
Безмолвные пушки глядят.

Свели их когортою тесной,
Заслуженных почестей нет.
Раздольные русские песни
Да брызги несчётных ракет.

Кто большего счастья отведал!
Солдатские кружки полны.
Солдаты встречают победу,
Солдаты победой пьяны.

Там нашей гармонии раскаты
Над ширью лугов и полей.
Поют о победе солдаты,
И стынут стволы батарей.

О, пушки!
Не спавший ночами
И радостью спшибленный с ног,
Их скромности мудрой
Вначале
Я просто осмыслить не мог.

1948

В Велиж

Рассказать – не поверишь...
И до нынешних дней
Ездят матери в Велиж
Искать сыновей.
Там у Лидова взгорья
Над быстрой Двиной
Склоняются в горе
Седой головой...

«Александр свет Григорыч,
Дорогой человек,
Неизбыточное горе
Нам досталось навек.
Ты немало утешил
Стариков и детей.
Сколько вех,
Сколько вешек
Вдоль кровавых путей!
По незнаемым тропам
Ты несильно ступал.
Ты немало в окопах
Имён раскопал.
Может, что-либо слышал,
Может, знаешь его –
Бронебойщика... Мишу
Сынка моего?
Он ивановский родом,
Из рабочей семьи.
Он ушёл добровольно
С институтской скамьи.
Говорили: сурова
Участь их...
Без следа
В зиму сорок второго
Он пропал – навсегда».

Александр свет Григорыч,

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Владимир Догадаев

Родился в 1926 году на Вологодчине (деревня Фёдоровская Усть-Кубенского района). В октябре 1943 года – не имея полных 17 лет и не успев окончить среднюю школу – по призыву отправляется пехотинцем на Второй Прибалтийский фронт, где был впоследствии определен топоразведчиком при артиллерии. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Лауреат многих литературных премий, в том числе городской премии «За личный вклад в развитие культуры и искусства города Иванова» – «Триумф» (2007), областной премии имени М. Дудина (2009), Всероссийской литературной премии имени К. Бальмонта «Будем как солнце» (2011). Награжден медалью «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны II степени, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», многочисленными юбилейными медалями. Почётный гражданин города Иванова (2015).

Дорогой человек!
Александр свет Григорыч,
Золотой человек.
Неизбытны исканья,
Бесконечны дела –
Их война
Мальчишке дала.
За святую науку
Открывать имена
Отдал он свою руку,
Хоть давно не война.
Как рвануло гранатой
Из блиндажной трухи,
Пробудился
Весь в бинтах, без руки.
Александр свет Григорыч...

1971

О слепом танкисте

Рассказ командира танка

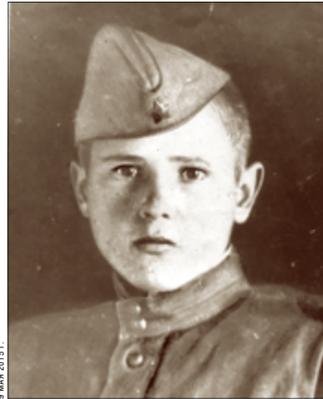
Беда над ним уже витала.
А он, не веривший войне,
Минута есть – возьмёт гитару
Да примостится на броне.
Был он высокий и красивый.
Был он весёлый и шальной.
Лишь кудри светлые бесились,
Не поспевая за струной.

В ответ на шутки на любые
Светили в мир –
Мол, вот буза! –
Его бедово-голубые,
Неукротимые глаза.

Есть в праздной пляске и в круженье
Непостижимой власти ложь.
Нам предстояло, брат, сраженье,
Каких немного назовёмь.

И вот мы в пекле той атаки.
Легим в пожар.
И бьём! – всё так.
И вдрут – удар! – и смолкли траки.

И встал, отфыркиваясь, танк.
Мишенью встал – как на экране.

Мы не уснули, допоздна
О чём-то близком вспоминая.
А я его почти не знал.
И никогда уж не узнаю.

Его убили час назад.
Он пал на землю и остался...
Он был весёлым, говорят,
И смерти вовсе не боялся.

О, добрые женские руки...

В провалах тяжёлой разлуки,
В высокий свидания час
О, добрые женские руки,
Я снова и снова о вас –

И жизнью, замешенной круто,
И песней с слезой пополам
До самой последней минуты
Всёцело обязанный вам.

Я шёл с пушкарями, с пехотой
В великой страде всеземной.
Своей неизбывной заботой
Вы снова и снова о вас –

Со мною в пути бесконечном
И ныне живёт не за страх
Товарищ, уснувший навечно
На маленьких женских руках...

Не надо владеть чудесами,
Волшебную трогать струну –
В годину несчастий вы сами
На бой снаряжали страну.

И пусть это будет, как прежде,
И в сотый, и в тысячный раз...
Хранители нашей надежды –
Я снова и снова о вас.

Домой

Покачулся и ожил тяжёлый вагон,
Оттолкнулся подножкой и окнул,
И поплыл, и поплыл мутно-серый перрон,
Фонарями швыряя по окнам.

Вот последний фонарь, и забыты дожди,
Прибалтийская хмурая осень.
«Перегон впереди,
Перегон впереди»,
Говорят под вагоном колёса.

Говорят, говорят...
Семафоры горят,
Среди ночи зелёные реют.
Торопись, говорят,
Побыстрее, солдат,
Побыстрее, побыстрее, побыстрее...

Я люблю торопливую песню колёс.
Мне навстречу летят расстояния.
И летит, далеко обогнав паровоз,
Непослушное к ночи желание.

1947

Который раз пылают клёны

Который раз пылают клёны,
Который раз осенний шум.
И я в дорогах запылённый,
К тебе спешу.

К тебе спешу – там детством пахнет,
Там праздник ждёт меня большой.
Старик-сосед посмотрит, ахнет:
«Гляди – пришёл!»

Пришёл живой и невредимый!
А наш...» – и плечи опустив,
Затянется ядрённым дымом
И загрустит.

И загрустит. Но встречей тронут,
Я буду весел среди вас...
Который раз пылают клёны,
Который раз...

Поэт из фронтовой шеренги

После одного из выступлений в посольстве Сербии по поводу годовщины освобождения Белграда ко мне подошёл неприметный с виду пожилой человек:

– Спасибо вам за песни и стихи о войне, спасибо за память о нас...

Я насторожился – не совсем походил на ветерана тех далёких боёв этот стеснительный невысокий мужичок: с чистым голосом и ясными глазами.

– Я в прошлом сын полка, Гришанов Иван Иванович, 1932 года рождения, мне 86, воювал с 10 лет, после войны учился в Суворовском, потом в военном училище... Вот приглашают иногда на такие мероприятия как ветерана. Давно пишу стихи для себя, чтобы не забыть. Вы не могли бы их посмотреть? Мне это очень важно...

Всё встало на свои места: ветеран-пенсия, пишущий стихи, как многие, если не все.

Сославшись на занятость, но с врождённым чувством преклонения перед фронтовиками, дал ему визитку: пришлите, мол, по «электронке», я обязательно посмотрю...

– Да нет у меня такой почты... Может, дочку попрошу...

Через месяц он позвонил, напомнил о себе и попросил встретиться:

– Мне очень важно ваше мнение, стоило ли мне продолжать... Я пишу о том же, что и вы.

На следующий день он пришёл на моё выступление в Университете землепользования, передал стопку стихов, в основном рукописную, оставил номер своего телефона, прослушал весь фронтовой цикл и ушёл, не переждав моей послеconcertной «автограф-сессии».

А на следующее утро я открыл его рукопись и оторваться от чтения не мог до конца последней странички. Было такое ощущение, что я, как изредка бывало на моём драгоценно-каменном Урале, поднял с земли долгожданную, но случайную находку – друзу редкой породы: то ли аметистовую, то ли горно-хрустальную, а может, и того дороже...

Позвонил ему: – Иван Иванович, вы где-то печатали эти стихи?

– Да было разок, в военной многотиражке, лет 50–60 назад.

– А показывали кому-то в издательствах, поэтам, писателям?..

– Тоже лет 60 назад, в Одессе показал стихи о репрессированных офицерах-

фронтовиках. Посмотрели да сказали: хочешь спокойно жить – не показывай больше никому, вот и не показывал, а послушал ваше выступление – не утерпел... А про репрессии не мог не писать: отца в 1937-м расстреляли, потом реабилитировали, я за-за этого на войну и сбегал...

...Я не нашёл его литературных публикаций или фото в интернете. Через сайт «Бессмертного полка» отыскались скучные строчки о боевом пути маленького солдата: 1942–1943 гг. – связной партизанского отряда, далее – сын полка, на Орловско-Курской дуге – разведчик, наблюдатель Отдельного истребительного противотанкового батальона, далее – взвод топоразведки 15 ОТ МБР 19, Венская арtdивизия 3-го Украинского фронта, много раз по заданию переходил линию фронта, корректировал ДОУы – дальние огневые налёты нашей артиллерии (только спецзнаком этот термин, ставший художественным образом в одном из его стихов)...

И ни слова о стихотворчестве. Это стихи высокого природного художественного уровня – поэта, ушедшего на войну в 10 лет и знающего все её страшные детали. Без единого фальшивого слова... Это живущий среди нас

поэт из знаменитой фронтовой шеренги: от Константина Симонова и Алексея Суркова до Юлии Друниной и Николая Старшинова... Правда, так и не вышедший своевременно на их поэтическую переключку.

Слава богу, что всё-таки объявился.

Анатолий Пшеничный

А играл ты с жизнью,
Жизнью возле смерти.
За тобой в разведку
Шли мужчины-черты.

И по маху шапки,
Поднятой тобою,
Люди залегали,
Залегали к бою.

Люди умирали,
Умирали рядом.
Был ты ранен пулей,
Был и под снарядом.

Вспомни, как пшеница,
Как дома горели,
Как стоял со всеми
Молча при расстреле.

И на малолетку
Враг не ведал милость:
Под глухие залпы
Жизнь остановилась.

Но дождливой ночью
У забытой хаты
Отыскали Ваню
Храбрые солдаты.

Как дитя у сердца,
Все тебя качали.
Не забыть любви той
И живой печали.

И ушла косая,
Поняв: ей не сладить.
Мамкою родною
Стали Ване дяди.

И, как прежде, первым
Шёл ты страшным лесом,
Обходя засады
Смертные завесы.

Ты гордиться должен
Тем бойцовским счётом:
На полях России
Легат вражьи рота.

Ты героем звался,
Хоть и был пострелом.
Что ж ты ищешь?
Детство на войне состарело.

1949

Русь, бойца от обид защиты

Иван Гришанов

***

Жизнь моя на ласки не богата,
Не имел я их и не искал.
То детдом, то воровская хата,
А потом войны крутой оскал.

В жизни той милей дневного неба
Был блиндаж с накатом в пять слоёв.
И в каком аду я только не был!
В крутоверти гибельных боёв.

Я забыл, откуда вышел родом,
Мир войны – мой первый детский класс.
Ну а дни стекали, словно в воду
Калили слёз из воспалённых глаз.

Отвечаю чётко на вопрос вам:
Я родился сразу злым и взрослым.

На смерть медсестры

Неуступчива, непорочна...
С райских куцей штабного тыла
В пекло боя, в отместку, срочно
К нам в окопы её скатило.

Но и здесь она, как и всюду, –
Честь и нежность в сыром бушлате.
Мне б на мушку того нуду,
Что пытался подол задрать ей.

Огрубевшие, мы любили

В ней и мать, и дитя родное.
Аргонгём нас вчера накрыли,
И не стало сестрицы Зои.

Бесприказны и беспощадны
Мы рванули в ночи на фрицев.
Били молча. Жестоко. Жадно.
Всех, не могших бежать и скрыться.

Такова была наша тризна,
В гнев с боем те пушки взявших.
Может, вспомнишь ты, Мать-Отчизна,
Дочерей твоих, в битвах павших.

9 Мая

В гимнастёрке, прямой,
туто стянут ремень,
Жёсткий бобрлик волос в белой дымке седин.

В амбразурах глазниц слёз
удержанных тень...
Над стаканом вина он склонился один.

Что он вспомнил, старик?
Резко вздёрнута бровь,
В складке горькой сомкнулся
морщинистый рот...
Жизнь прошла, как бросок сквозь
потери и кровь:

Две жестоких войны,
гибель маршевых рот.

Он сидит за столом,
как заброшенный форт.
То, что раньше скрывал, а теперь напоказ.
И не выпит коньяк, не опробован торт,
А оркестру всё тот же военный заказ.

И подвыпивший люд – молодой и крутой –
Приглушил свой нахрап к уважению дат.
Так зачем же он в бой шёл версту
за верстой,
А награда ему? Обворован солдат.

Обделённый судьбой и унижен страной,
Что во власть привела алкашей и воров,
И не может он встать – пожилой и больной –
Чтобы вновь защитить честь России и кров.

Наша славная Русь, на каком ты пути?
Отзовись и бойца от обид защиты.

***

Я говорю войне: «Прощай...»
Она, как жало, впилась в душу.
Её не вырвать невзначай,
Добром и бранью не разрушить.

Я говорю войне: «Прощай...»
Бойцов упавших лица рядом.
По ним горит в слезах свеча,
А боль за них, как взрыв снаряда.

Я говорю войне: «Прощай...»
Но дышит память жаром боя
И мне твердит: не отвращай
Того, что вписано судьбою.

И этот груз тебе навек,
Войны хлебнувший человек.

***
Вот выпала доля – прикрыть отступавших.
Остаться в живых нам надежда не светит.
Огнём огрызаясь, уходим от павших,
И кто нашу боль и отгаду отметит?..

А новый рубеж, может быть, и последний,
Нам вырвать в нём паузу жертвой люблюю.
Стоять беззаветно, как было намереди,
И полк развёрнется для встречного боя.

Мы с другом простились
бесслётно и просто:
Он в ранах застыл за своим пулемётом.
Я встретил атаку один у погоста
И здесь тормознул, как и надо, пехоту.

И сколько же тех рубежей всего было
На гиблом пути до своей обороны...
Как гильзы, собою нас время накрыло,
Что в травы роняют под выстрел патроны.

Пропали для нас дни и ночи, и даты:
Мы в память ушли, как уходят солдаты.

***
Золотом окрасила заря
Флаги, полотнища, транспаранты...
И, как жис, в рассвет, за рядом ряд
Маршируют улиткой курсанты.

Сотни рук – единая рука,
Сотни ног – единая октава.
Блещет в чётко вскинутых штыхах
Русская немеркнущая слава.

И как ворох выцветших знамён
Вражью поверженного мира,
Под ноги бросает листья клён
Будущим российским командирам.

Детство

Что ты ищешь? Детство?
Розовое детство...
Стал солдатом Ваня
Прямо с малолетства.

Память на ладонях
Партизанской кружкой,
Автомат был первой
Ванюшкой игрушкой.

История болезни, или Дневник здоровья

Глава VI

VIP-зона не обманула ожиданий. Она облагодетельствовала нас водонепроницаемыми кремовыми матрасами, огромными полотенцами, индивидуальными душами и сортиром. Но самым большим сюрпризом стало фиговое дерево с копмарно липкими, приторно сладкими и совершенно бесплатными плодами инжира в больших количествах. Стратегически наша зона располагалась очень правильно, то есть на равном удалении и от полуолимпийского бассейна с морской водой, и от любимого термального «Аслепио», и от винного бара в горе, и от чудодейственной водной дорожки для ног. Дорожку придумали японцы и подарили её «Садам». Она овальная, дно её покрыто морской галькой, а глубина достигает пятидесяти сантиметров. Общая длина метров двенадцать. Овал делится на две равные части: в одной поддерживается температура воды плюс 40 градусов Цельсия, а в другой — плюс 15. С непривычки первый проход по овалу даётся с трудом. Во-первых, ступням мешает галька, путь и гладкая, во-вторых, холодная вода вызывает шок. Однако после четвёртого обхода ощущения меняются: галька больше не мешает, а резкая смена температурного режима вызывает лишь приятное покалывание в икрах и озадачивает вопросом, уж не заменил ли японский Посейдон прежние конечности на новые. Немецкий доктор Себастьян Кнейпп пошёл дальше японцев и предложил попеременно помочить всё тело целиком в ёмкости с температурой сначала 40°C, а потом — 15°C. После нескольких попеременных окунаний достигается эффект полного телесного обновления.

К концу турне по достопримечательностям аквапарка на посетителя наваливается невероятная усталость, бороться с которой нет никакой необходимости. Нужно немедленно принять горизонтальное положение, закрыть глаза и погрузиться в дремотное состояние, близкое к блаженству.

Дорога от нашего отеля до «Садов Посейдона» занимает 25 минут, а от аквапарка до «Эксельсиора» — 35 минут, потому что туда мы едем по одной стороне острова, а обратно — по другой. Получается, что, по сегодняшним мегаполисным меркам, остров невелик. Его можно объехать по узкой извилистой кольцевой дороге примерно за час. Население Искьи в 58 тысяч человек распределяется по шести муниципалитетам, или коммунам, каждая из которых имеет не только свою историю, особые традиции, но и свой диалект, не всегда понятный соседу. Здесь каждый с гордостью говорит о родном городке или деревушке, не признавая чужого превосходства. У каждой коммуны свой собственный святой покровитель и свой взгляд на всё происходящее вокруг. Однако есть кое-что, объединяющее всех искитанцев. Во-первых, они сообща терпеть не могут высокомерных неаполитанцев, считающих остров собственным историко-туристическим придатком. А во-вторых, все без исключения считают главным и любимым блюдом кролика по-искитански.

Мне стало интересно, почему островитяне, питавшиеся с доисторических

В гости к Посейдону

времен дарами моря, вдруг с середины девятнадцатого века поголовно возлюбили очень диетическую и полезную крольчатину. Оказывается, неаполитанский король из Бурбонов Фердинанд II страстно любил охотиться на этих зверьков. Он часто приезжал на Искью «руку правую потешить» и пострелять диких кроликов. Был даже издан специальный указ о наращивании их поголовья в лесных уголках острова. Собственно говоря, любовь к кроликам — это было лучшее, что король смог продемонстрировать своим подданным за 29 лет правления. Как и его отец, был он крайне жесток, отличался немереным властолюбием, безмерным суеверием и вопиющей безграмотностью. Короче, по сути, являлся мелким ограниченным тираном, помешанным на шпионаже. Тем не менее время от времени на него нападал хозяйственный зуд. В эти редкие моменты он начинал строить дороги, заботиться о земледельцах, торговле и рациональном налоговом обложении. В один из таких припадков экономического благоразумия Фердинанд обратил свой взор на Искью. Чтобы его кораблю было проще швартоваться, он превратил внутреннее озеро вулканического происхождения в удобную гавань, соединив его с морем. Бюджетных денег истратили немалое — озеро и почистили, и углубили. Рабочих рук не хватало до такой степени, что пришлось направить на объект заключённых, пообещав им за доблестный труд даровать свободу. В 1854 году новая гавань при огромном стечении гостей и различных плавередств торжественно приступила к исполнению обязанностей. Праздник удался на славу: в присутствии его величества короля обеих Сицилий пушки с берега палили и народ ликовал. Фердинанд II вновь пользовался созданными им самим морскими транспортными удобствами и, чтобы быть ближе к любимым кроликам, соорудил на Иске летнюю резиденцию. В Арагонском замке, которым я пленялась, подплывая к острову, останавливаться не представлялось возможным: вышняя наполеоновская войска из Неаполитанского королевства, английская артиллерия постаралась довести импозантное сооружение испанских королей до полных развалин, правда очень живописных.

ным белым вином из винограда форастера или бянокелла.

Не могу умолчать о том, что и древние греки с римлянами весьма высоко ценили здешний алкоголь. Выходцы из Древней Эллады для хранения вина изготавливали из островной, уже известной нам глины амфоры и прочие сосуды. Умельцы расписывали посуду, часть которой использовалась на месте, а оставшуюся отвозили на материк, где выменивали на железо, которого на Иске не хватало для полного счастья. Страшная катастрофа, вызванная извержением вулкана Эпоемо, уничтожила греческие колонистов. Однако найденных через века глиняных черепков хватило на целый археологический музейчик в городе Лакко-Амено. Поскольку остров был очень даже райским местечком с удобными бухтами, плодородными землями, кой-какими полезными ископаемыми и чудесными источниками, он никогда подолгу не простаивал, ибо всем нравился и кто-нибудь очередной его заселял. Искьей и отдельными её городками владели этруски и лангобарды, испанцы и французы, совсем недавно — турки и, конечно, североафриканские мавры, чьё архитектурное влияние вместе с запоздалым церковным барокко чётко прослеживается во внешнем, довольно заурадным облике островных зданий. Естественно, имеются здесь и красивые виллы в небольшом количестве, и совсем немного импозантных строений а ла итальянские palazzo, и привлекательные отели с садами-парками. Однако в целом на острове скромненько, местами бедненько, а иногда даже чистенько.

Из общего ансамбля изо всех сил выбивается лишь один памятник — Castello Aragonese, полюбившийся мне с первого взгляда. У него славная история, которой могут позавидовать тысячи других укрепительных сооружений. Сама природа в 474 году до Рождества Христова подсказала тирану Сиракуз, где поставить в Неаполитанском заливе стратегически важный пост:

— Посмотри, — сказала она отважно, но жестокому полководцу Гиерону I, — вот отличное вулканическое образование высотой 115 метров. Используй его!

Так появилась на этом месте первая крепость. Дальше — больше. Все правители Неаполя, и острова соответственно, находили необходимым архитектурно отметить за мощными крепостными стенами. Были здесь и женский монастырь Святой Клариссы, и величественный католический собор, и маленькие хорошенькие храмы-церкви, менявшие в зависимости от политической ситуации клерикальную ориентацию. Были здесь господские хоромы и жалкие лачуги, сады-огороды, виноградники и оливковые рощицы. Случалось времена, когда чуть ли не всё население острова спалось на скале от нашествия врагов. И тогда под защитой каменных стен проживало до трёх тысяч человек. Воцарение в 1438 году в Неаполе короля Испания Альфонсо V Арагонского имело самые благоприятные последствия для искитанской крепости. Альфонсо здорово её благоустроил: нарастил толщину и высоту стен, укрепил входные ворота и проложил от них туннель в 457 метров, ведущий вверх. Он улучшил также жилищные

условия в крепости, увеличил потенциал хозяйственно-гостевых построек. А в довершение всего удостоил старую крепость чести называться новым именем. С XIV века и по сей день она зовётся Castello Aragonese, то есть Арагонский замок.

Зенита своей славы замок достиг при правлении на Иске двух дам. Вот их славные имена: Констанция д'Авалос (1460–1541) и Виттория Колонна (1492–1547). Первая приходилась тёткой мужу второй и имела честь воспитывать племянника и его будущую жену, прибывшую на Искью в возрасте одиннадцати лет. В это время за воротами старинной крепости бушевало Возрождение. Как-то оно постучало в ворота Castello Aragonese, и они распахнулись перед поэтами, писателями и художниками эпохи Ренессанса. Позже распространился слух, поддержанный досужими домослами, что Леонардо да Винчи для портрета «Моны Лизы» позировала якобы некая высокородная испанская аристократка Констанция д'Авалос, и не где-нибудь, а в Арагонском замке. К сожалению, слухи не подтвердились, главным образом потому, что биографы художника поставили под сомнение его пребывание на Иске. Зато Виттория Колонна, наследнице Констанции, повезло больше. Никто особенно не усомнился в её духовно-платонической дружбе с прелестным и уже великим Микеланджело. Говорят, они встретились в Риме, где она неосторожно назвал её своей музой, а она в ответ посвятила ему специально написанную поэму и несколько сонетов.

Воцарение в Неаполе испанских Бурбонов, пренебрегавших термами острова Искья, отрицательно сказалось на состоянии замка. Он стал приходить в упадок, пока его окончательно не добили английские пушки. Уцелевшие здания до конца XIX века использовали как тюрьму. А в начале XX столетия весь Castello Aragonese был продан за весьма скромные деньги и с тех пор почти целиком остаётся частным владением.

Ясное дело, содержать такое огромное хозяйство, даже в полуразрушенном виде, мало кому под силу. Государство по причине отсутствия средств не может выкупить исторический памятник, да и у владельцев с деньгами не гуто. Однако решение всё же нашлось. Замок сам зарабатывает себе на содержание. Он совместно с муниципалитетом открыл музейный комплекс и запросил за входной билет небольшую сумму. Зато тут есть на что посмотреть. Посетители в восторге от музейчика пыток с великолепным набором соответствующего оборудования. Нравится любознательным туристам необычное кладбище почивших в бозе монахинь. В закрытом помещении их сажали на каменные стулья сдыркой посередине. В таком состоянии они находились до полного усыхания, после чего мумиеобразные останки занимали места в спецхранилище. Многие культовые сооружения замка сегодня отреставрированы и открыты для посещения. Со смотровой площадки можно бесконечно долго любоваться видами на остров и залив. Ими же можно восхищаться, спускаясь по старинной каменной тропе, ведущей вас мимо замковых стен, огородов, рощиц и садов.

За два десятилетия отдыха на Иске я неустанно прихожу в восторг от Castello, на который смотрит терраса нашего гостиничного номера. Конечно, мы его неоднократно навещали. Больше всего мне запомнился замковый концерт фортепианной классической музыки в рамках ежегодного летнего музыкального фестиваля. В зале не оказалось крыши, ибо он размещался в живописных развалинах с почти целыми стенами. Мест для всех желающих приобрести за высоким искусством не хватало. Нам принесли складные стулья, и мы расположились у входа с видом на огонь Искья-Понте. Был по-южному очень тёплый и тихий вечер. Откуда-то из моря вылила огромная луна и взгромоздилась на небосклон, облепленный крупными

Источник здоровья

яркими звёздами. Они явно подмигивали — то ли друг другу, то ли нам. Их было так много, и висели они так низко, что, казалось, какая-нибудь не удержится и непременно свалится на голову. Так и случилось. Штуки три попадали, хорошо хоть облобысь без жертв. Но желания в спешном порядке пришлось загадывать. Неожиданно произошло незначительное перемещение воздушных масс, и лёгкое дуновение принесло с собой нежнейший аромат цветущих лимонных деревьев. К нему примешивался пряный дразнящий запах неведомых искитанских трав. ПIANИСТА мы не видели, а только слышали. Оказалось, что кроме людей на концерт явились местные «поющие» насекомые. В отличие от человекообразных, сидевших тихо и старавшихся не шуршать гравием под ногами, ближайшие родственники кузнечиков и сверчков вели себя отвратительно. Возможно, им не понравился исполнитель, возможно — заявленная программа, но они приня-

лись безразличны. Как только звуки музыки переходили с форте на пиано, цикады принимались цикадить, да так громко, что практически заглушали рояль. Жаль, что, сочиняя фортепианный опус, Шопен не предусмотрел аккомпанемент для «био»-оркестра из Арагонского замка, поэтому тот и не смог заранее отретировать свою партию. Тем не менее мы были в восторге. Ведь далеко не каждому удаётся услышать знаменитый ноктюрн в сопровождении ансамбля музыкантов, играющих на своих двух мембранах при помощи специальных мышц. Издаваемый насекомыми звук слышен был на расстоянии до одного километра, достигая 120 децибел и вообще-то был предназначен для ушей женских цикадид особей. В Древней Греции цикады олицетворяли бессмертие, символизировали смену света и тьмы, а также служили эмблемой Тифона.

Окончание главы в следующем номере

АБОНЕМЕНТ											
Литературная газета						Копировать					
на 2018 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда (почтовый индекс)											
Кому (фамилия, имя)											
ДОСТАВКА ПО ПОЧТОВОМУ ИНДЕКСУ											
ИН	улица	дом	№			двери			номер квартиры		
Литературная газета											
(полное наименование)											
Страна	улица	дом	№			двери			номер квартиры		
на 2018 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда (почтовый индекс)											
Кому (фамилия, имя)											

Дорогие друзья!
Во всех почтовых отделениях открыта подписка на 2-е полугодие 2018 года!

Подписные индексы:

По Объединённому каталогу «ПРЕССА РОССИИ»

50067 — подписка для новых индивидуальных подписчиков;
34189 — для постоянных подписчиков, имеющих подписной абонемент на 1-е полугодие 2018 г.

По «КАТАЛОГУ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ»

99168 — для новых индивидуальных подписчиков;
99703 — для постоянных подписчиков, имеющих подписной абонемент на 1-е полугодие 2018 г.;
99468 — для предприятий и организаций

До 12 июня предлагаем оформить льготную подписку на 2-е полугодие 2018 года с доставкой на дом на сайте www.lgz.ru или в редакции «Литературной газеты»

Стоимость подписки — 700 рублей (для всех регионов РФ).

Ждём вас по адресу:

Москва, ул. Большая Никитская, дом 50-А/5, стр. 1

Справки по телефону: 8 (499) 788-01-12

24 ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

17-20 МАЯ

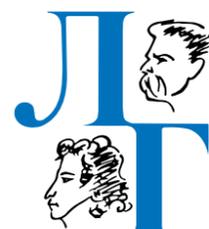
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КНИЖНЫЙ САЛОН

МИХАЙЛОВСКИЙ МАНЕЖ (МАНЕЖНАЯ ПЛОЩАДЬ, Д.2)

XIII Международный книжный салон пройдёт в Санкт-Петербурге с 17 по 20 мая в Михайловском манеже. В этом году он приурочен к 315-летию со дня основания Северной столицы.

Встречи с писателями:**17 мая****Гузель Яхина** представит роман «Дети мои». Конференц-зал, 15.00–16.00**Алексей Сальников**, финалист премии «Большая книга», представит роман «Петровы в гриппе и вокруг него». Конференц-зал, 17.30–18.30**Александр Мелихов** писатель, творческая встреча. Конференц-зал на стенде Правительства СПб, 17.30–18.30**18 мая****Ольга Славникова**, презентация нового романа «Прыжок в длину». Конференц-зал, 16.00–17.00**Сергей Носов**, презентация книги «Построение квадрата на шестом уроке». Шатёр, 17.00–18.00**Антон Чиж**, мастер детективного жанра. Жёлтый шатёр, 18.00–19.00**19 мая****Дмитрий Быков** и роман «Июнь», встреча с читателями. Конференц-зал, 15.30–16.30**Александр Архангельский** представит роман «Бюро проверки». Конференц-зал, 16.30–17.30**Сергей Шаргунов** и сборник прозы «Свои». Конференц-зал, 17.30–18.30**Ксения Букша** презентует сборник короткой прозы. Шатёр, 17.00–18.00**Валерий Попов**, сценарист, глава СП Петербурга. Конференц-зал, 12.00**Дмитрий Рус**, популярный российский фантаст жанра LitRPG. Жёлтый шатёр, 16.00–17.00.**20 мая****Алексей Варламов**, презентация романа «Душа моя Павел». Конференц-зал, 14.00–15.00**Валерий Введенский**, создатель исторических детективов. Синий шатёр, 14.30–15.30**Алексей Иванов**, презентация книги «Тобол. Мало избранных». Конференц-зал, 15.00–16.00**Эльчин Сафарли**, турецкий писатель. Конференц-зал, 13.00**Маша Трауб**, журналистка, колумнистка газеты «Известия». Конференц-зал на стенде Правительства СПб, 14.00–15.00

Ждём вас с 17 по 20 мая на стенде №113 (справа от входа с Кленовой улицы).

ЛГТ
Льготная подписка

– 23%

Дорогие читатели!

В период проведения Книжного салона-2018 «Литературная газета» проводит льготную подписку на второе полугодие 2018 года!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ ЖУРНАЛИСТА

16 мая 2018 года, среда

Вечер представления новой *книги песен*

Русские песни

Автор — певец, музыкант, стихотворец

Александр Васин-Макаров

В программе: *песни и романсы* из новой книги на стихи М. ЛЕРМОНТОВА, И. АННЕНСКОГО, А. АПУХТИНА, Н. ДОМОВИТОВА, В. КАЗАНЦЕВА, В. КОВДЫ, В. КРЮЧКОВА, А. МЕЖИРОВА, Б. ОКУДЖАВЫ, А. ПЕРЕДРЕЕВА, А. СЕРЕБРОВСКОГО, Н. ТРЯПКИНА, А. ВАСИНА-МАКАРОВА и др.

Поют автор и участники

Литературно-музыкальной студии А. Васи́на-Макарова

Начало в 18 часов 30 минут

Никитский бульвар, д. 8а (ст. м. «Арбатская») • www.studia-vasin.ru

Билеты: 8-916-101-37-10 • 8-906-044-50-55

